

Валентина Зайцева

СВАДЬБА ГОДА

18+

Валентина Зайцева

Свадьба года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72519661

SelfPub; 2025

Аннотация

В день свадьбы года Майя, амбициозная владелица кейтеринговой компании, мечтает покорить элиту Москвы. Но планы рушатся, когда невеста София, вдохновлённая случайной идеей Майи о романтическом побеге на пляж, сбегает с женихом Артёмом. Чтобы спасти репутацию могущественной семьи Богатырёвых и свой бизнес, Майя соглашается на авантюру: притвориться Софией, а дерзкий брат-близнец Артёма, Михаил, – женихом, чтобы разыграть свадьбу.

Михаил, бунтарь с пронзительными голубыми глазами и байкерским шармом, втягивает Майю в вихрь страсти. Среди семейных тайн, комичных недоразумений и рискованного маскарада их влечение грозит сорвать весь план. Сможет ли Майя удержать бизнес и не потерять сердце? "Свадьба года" – искромётная романтическая комедия о лжи, любви и смелости, где один день меняет всё.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	68
Глава 5	90
Глава 6	105
Глава 7	120
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Валентина Зайцева

Свадьба года

Глава 1

Майя

Это свадьба года, а я застряла на парковке автостоянки. Я не могла бы быть счастливее от такого поворота событий.

Месяцы интенсивнейшей подготовки буквально вымотали меня до последней капли энергии. Я работала настолько усердно и самозабвенно, что вчера вечером уснула прямо в ванной комнате, обнимая холодный фарфор унитаза, словно это был мой единственный друг на всём белом свете.

Этот день просто обязан пройти идеально – без единой помарки, без малейшего изъяна. Я отчаянно пытаюсь заполучить выгодные контракты на кейтеринг от богатых московских политиков, устраивающих роскошные приёмы и торжества, с тех самых пор, как основала «Кейтеринг от Майи» семь лет назад. И сегодня – это моя золотая возможность засиять ярче всех звёзд на небосклоне. Это мой единственный шанс впечатлить влиятельных людей, ослепить их своим мастерством и навсегда вывести моё имя на карту столичного кейтеринга.

Сын председателя Государственной Думы Валентина Бо-

гатырёва женится на девушке своей мечты, и я – официальный кейтеринг-провайдер на этой грандиозной свадьбе. Изысканные закуски, коктейльные снэки, роскошные четырёхблюдные ужины – всё, что только душа пожелает, я запихну это в рты почтенных гостей с таким мастерством, что они будут вспоминать об этом годами.

Моя команда, к сожалению, не так предана общему делу, как я, но я искренне надеюсь, что именно сегодня они проявят себя по полной программе и покажут, на что способны. Всё должно быть безупречно, словно произведение искусства.

– Аня! – визжу я, чувствуя, как по спине пробегает холодок ужаса. – Что ты творишь?!

Она поднимает на меня невинный взгляд, небрежно плюхая серебряную ложку для мороженого в деликатесный изысканный паштет из утиной печени, словно малыш, беспечно играющий в песочнице с ведёрком обычной грязи.

– Готовлю закуски, а как выглядит со стороны? – отвечает она с таким видом, будто это самая естественная вещь на свете.

По моей спине пробегает нервная дрожь предчувствия катастрофы, когда я вижу, как она бесцеремонно шлёпает ложку на хрустящий крекер, разбрызгивая паштет стоимостью две тысячи триста рублей за сто граммов по недавно отполированному до зеркального блеска серебряному подносу.

Моя спина напрягается, словно струна.

– Это...

– Свадьба года! – хором произносят Аня и ещё четверо сотрудников, словно заученную мантру.

Звучит почти как откровенная насмешка над моими стараниями.

Я глубоко втягиваю воздух и стараюсь не нахмуриться грозовой тучей, внимательно оглядывая нашу просторную белоснежную палатку и всех членов команды, которые из всех сил пытаются не захихикать как школьники.

– Эти изысканные закуски не должны готовиться раньше, чем за несколько минут до непосредственной подачи на стол! – объясняю я терпеливо, словно воспитательница в детском саду. – Свадьба начнётся через два часа! Разве вы не следуете составленному мною подробному графику работы?

Моя челюсть сжимается до боли, когда я замечаю запечатанный конверт из плотной манильской бумаги, небрежно лежащий на столе рядом с Аней. Мы обе одновременно бросаемся к нему, но я хватаю его первой, опережая её всего на долю секунды.

– Серьёзно?! – спрашиваю я в полном недоумении, торопливо разрывая конверт. – Вы даже не открыли его? Даже не взглянули?

Она равнодушно пожимает плечами, словно речь идёт о чём-то совершенно незначительном.

– Вы не прочитали ни единого слова! – говорю я в полном неверии, лихорадочно перелистывая четыре десятка хрустя-

щих страниц с важнейшей информацией, над которой я корпела целую неделю, не щадя ни времени, ни сил. – Подробное расписание походов в уборную, чек-лист требований к униформе – всё лежит здесь нетронутым!

Я резко оборачиваюсь и хмуро смотрю на происходящее, видя, как другие конверты из манильской бумаги таинственным образом исчезают с рабочих мест.

– Все! Экстренное собрание. Прямо сейчас. Все немедленно подойдите ко мне!

Я слышу настоящую какофонию разочарованных вздохов и недовольных стонов, пока переворачиваю пустой деревянный ящик от клубники и торжественно встаю на него, словно генерал, обращающийся к своим не особо дисциплинированным войскам. Эти люди не продержались бы и одного дня в настоящей армии. Я же, напротив, расцвела бы там как цветок – у меня была бы самая безупречная униформа в истории российских вооружённых сил.

– Скольких из вас прочитали подробное руководство, которое я предоставила каждому лично в руки? – спрашиваю я, окидывая суровым взглядом всю команду.

Ни одной руки не поднимается. Ни единой чёртовой руки! Я просто не верю своим глазам.

Все мои тринадцать работников уставились на меня абсолютно пустыми, ничего не выражающими взглядами.

Мой желудок болезненно сжимается от нервного напряжения, когда я заставляю себя медленно выдохнуть.

– Мы обслуживаем кейтерингом свадьбу...

– Мы поняли! – раздражённо перебивает Аня, демонстративно поднимая руку. – Но мы ведь не на самом деле обслуживаем свадьбу года. Правда же?

Я смотрю на неё в полном шоке от такой наглости.

– Мы находимся на парковке! – продолжает она, выразительно указывая на белую разметку на сером бетонном полу у своих ног. – Мы обслуживаем только водителей лимузинов да охранников из службы охраны. Нас даже близко не подпускают к самой гостинице!

– Нас официально наняли на работу по кейтерингу эксклюзивной светской свадьбы, – говорю я, стараясь не дать своему голосу предательски дрогнуть от волнения.

– Парковки эксклюзивной свадьбы, – протяжно кашляет мой повар Денис, явно издеваясь.

Мои глаза буквально испепеляют его испепеляющими лазерными лучами ярости.

– Тебе срочно нужен леденец от кашля или что-то в этом роде? – ехидно спрашиваю я.

Он молча качает головой, его щёки мгновенно краснеют от смущения.

– Нас наняли на честную работу, – продолжаю я с достоинством, – и, парковка это или нет, мы выполним эту работу идеально, настолько безупречно, насколько это вообще возможно для обычного человека. Когда вы нанимаете «Кейтеринг от Майи», вы гарантированно получаете наилучший

возможный опыт обслуживания, будь вы председателем Государственной Думы или самой царицей всея Руси.

– Или Гаврилой, водителем царицы, – ехидно бормочет Аня под нос.

Мои глаза опасно сужаются, фокусируясь на ней.

– Именно так! – отвечаю я с вызовом.

Она решительно качает головой, явно категорически не соглашаясь со мной.

– Мы могли бы подать этим ребятам обычные макароны с сыром и нарезанными сосисками, и они были бы абсолютно счастливы и довольны.

По мановению невидимой силы в палатку заходят два водителя с внушительными округлыми животами и пышными бородами, удивительно похожие на былинных богатырей Илью Муромца и Добрыню Никитича, променявших ратные подвиги на обыденную работу за баранкой.

– Это та самая кейтеринговая палатка? – спрашивает тот, что похож на Илью Муромца, его любопытный взгляд медленно скользит по аппетитно разложенной еде.

– Да, совершенно верно! – радостно отвечаю я, торопливо спускаясь с деревянного ящика и вставая по стойке смирно.

Моя команда немедленно исчезает за своими рабочими станциями, хотя я их официально не отпускала. Моя челюсть сжимается ещё сильнее от возмущения. Я подхожу к нашим первым гостям, силой воли заставляя свои губы перейти из тонкой напряжённой линии в широкую гостепри-

имнную улыбку.

– Чем могу помочь вам, уважаемые господа? Вы проголодались? Хотите пить? А может быть, желаете горячее влажное полотенце для освежения?

– А это что такое? – спрашивает тот, что похож на Добрыню Никитича, брезгливо указывая сморщенным носом на рабочую станцию Ани.

– Это наш фирменный аппетитный паштет из утиной печени, поданный на домашних хрустящих крекерах с южным инжиром и отборными оливками, – объясняю я с энтузиазмом. – Он совершенно восхитительный, изысканный и чуть-чуть смелый в своём вкусе. Не желаете попробовать?

Мой пульс учащённо бьётся от волнения – первые гости дня пробуют моё новое коронное блюдо. Хотя, если честно, они не выглядят так, будто разделяют мой искренний энтузиазм.

– У вас случайно нет обычных бутербродов или простых пирожков? – с надеждой спрашивает Илья Муромец, отчаянно оглядываясь вокруг в поисках чего-то более привычного.

Аня тихонько хихикает за моей спиной.

Я уже готова предложить им что-то менее авантюрное из нашего меню, вроде жареных артишоковых сердечек с нежным кремовым соусом, когда воздух внезапно наполняется оглушительным ревом мощного мотоцикла. Звук настолько невыносимо громкий, что хочется закрыть уши руками.

Рёв двигателя мотоцикла становится таким оглушительно громким, что я не могу ни думать, ни говорить, ни даже нормально дышать. Я решительно выхожу из палатки, с нетерпением ожидая, как служба безопасности мгновенно вышвырнет этого наглого типа за нарушение общественного порядка.

Моя кейтеринговая палатка стратегически расположена сбоку от величественного роскошного отеля «Ясная Поляна» – изысканного пятизвездочного комплекса на сто восемьдесят номеров, возведенного в живописном подмосковном уголке всего в паре десятков километров от столицы. Этот отель неизменно красуется на обложках ведущих свадебных журналов России, воплощая собой вершину роскоши и утонченности. Здешние виды на первозданную природу Подмосковья настолько драматичны и завораживающе красивы, что захватывают дух: густые леса, искрящиеся в лучах солнца просторы полей и извилистая лента Москвы-реки, петляющая у подножия отеля. Закат с балкона, когда река окрашивается в золотисто-алые тона, способен превратить самого упрямого скептика в задумчивого романтика с блеском восторга в глазах.

Отель находится прямо в живописном подмосковном уголке всего в паре десятков километров от столицы, так что летние свадьбы здесь – это настоящий парад того, кто есть кто из сливок российского высшего общества.

Вот почему администрация так невероятно строга с тем,

кого пускают на территорию. Я, честно говоря, не против такого подхода. Не то чтобы я сильно обиделась или что-то в этом роде. Я прекрасно понимаю, почему меня вежливо вывели чуть раньше. Я была расценена как потенциальная «угроза безопасности мероприятия».

И не то чтобы вид с нашей парковки не был столь же захватывающе прекрасным. Здесь растёт очень симпатичный раскидистый клён, а за мусорными контейнерами, если встать на цыпочки и хорошенько вытянуть шею, можно разглядеть небольшой кусочек сверкающей воды Москва реки.

Мои глаза опасно сужаются на ярко-красном спортивном мотоцикле, когда мужчина-водитель вызывающе даёт всем окружающим знать о своём триумфальном прибытии оглушительным металлическим ревущим саундтреком. Он лихо петляет по в основном пустой парковке и направляется напрямиком к моей рабочей палатке.

Ни за что на свете!

Я решительно встаю прямо перед ним и отчаянно машу руками, стараясь его остановить, но он просто ловко объезжает меня и беспрепятственно исчезает в моей палатке.

Мои мышцы предательски дрожат от возмущения, сердце бешено колотится в груди, когда я бросаюсь за ним следом. Дорогая посуда на столах громко и тревожно звенит от сильных вибраций работающего двигателя.

– Извините! – кричу я изо всех сил, когда он наконец-то глушит двигатель и небрежно закидывает длинную ногу че-

рез сиденье.

Это один из тех быстрых спортивных типов мотоциклов – знаете, тот самый, что запросто швыряет неопытных водителей прямо в орбиту при малейшем попадании в выбоину. Парень одет в потёртые джинсы, свободную синюю рубашку и красный шлем, полностью закрывающий голову.

Я сверлю его испепеляющим взглядом, когда он медленно снимает защитный шлем.

– Вы не можете просто так...

Зрелище его лица на мгновение совершенно ошеломляет меня, и я невольно отшатываюсь назад, когда смотрю прямо в его пронзительно ярко-голубые глаза, а слова намертво застревают в пересохшем горле. Он поразительно похож на жениха, только более небритая и дерзкая версия.

– Артём? – растерянно спрашиваю я, когда полное недоумение овладевает моими мыслями, окончательно путая их.

Этот человек просто не может быть нашим женихом. Я видела жениха сегодня утром во время предварительной встречи. Он был идеально чисто выбрит, с аккуратной причёской, элегантно зачёсанной набок. Артём Богатырёв – жених, достойный обложки глянцевого журнала. Он невероятно обаятельный, гладкий и вызывает приятные мурашки по коже, когда улыбается своей фирменной улыбкой. Этот парень – совсем другое дело. Он откровенно вызывающий, небритый и тоже вызывает мурашки, но скорее от неприятного скрежета ногтей по школьной доске.

– Я его брат-близнец, – объясняет незнакомец тем же самым гладким голосом, что и у жениха. – Михаил Богатырёв.

– Да, прекрасно. Немедленно уберите этот мотоцикл отсюда, пожалуйста, – требую я максимально вежливо, но твёрдо.

Аня моментально выскакивает рядом со мной, словно чертик из коробочки. Она уставилась на красивый байк широко раскрытыми от восхищения глазами.

– Я с удовольствием припаркую его! – радостно предлагает она.

– Нет! – хором и решительно говорим мы с Михаилом.

Наши взгляды встречаются и задерживаются на долгий, странно напряжённый момент, и я первой отворачиваюсь, неожиданно смутившись.

– Мы занимаемся кейтерингом, а не парковкой транспортных средств, – терпеливо объясняю я Ане. – Пожалуйста, подай тем двум уважаемым джентльменам что-нибудь вкусненькое поесть?

– Они уже ушли в ближайший пивной бар вниз по улице, посмотреть, подают ли там нормальную человеческую еду, – сообщает она с торжествующей ухмылкой «я-же-вас-предупреждала».

– Что?! – Я резко оборачиваюсь как волчок, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Илья Муромец и Добрыня Никитич окончательно уходят прочь. – Подождите! Вернитесь! У нас есть прекрасная еда!

– Это не еда, барышня, – честно говорит Добрыня Никитич, прежде чем они окончательно исчезают за брезентовым клапаном палатки.

Чёрт побери! У меня стопроцентный показатель ушедших клиентов, совершенно недисциплинированный персонал на грани открытого бунта и проклятый мотоцикл, нагло припаркованный прямо в моей рабочей палатке между сервировочными столами. Я вот-вот взорвусь от накопившегося раздражения.

Это должно было стать тем самым событием, которое кардинально перевернёт всё для меня и моей небольшой компании. Долгожданным шансом на лучшие вечеринки и престижные мероприятия с более высоким классом клиентов, которые не будут брезгливо морщить носы от изысканного паштета из утиной печени и не будут задумываться дважды, прежде чем произвести оплату солидным жирным переводом и чаевыми. Я так надеялась расшириться, нанять более компетентный и опытный персонал и, возможно, наконец начать зарабатывать достаточно денег, чтобы снять собственную квартиру без надоедливых соседей по комнате и купить машину, которая не ненавидит меня всей своей железной душой.

Проклятье, я не дам всему этому ускользнуть без отчаянной борьбы!

Мои ноздри гневно раздуваются, когда я резко поворачиваюсь к персоналу, который любопытно собрался вокруг и

откровенно пялится на происходящее.

– Немедленно возвращайтесь к работе! – рявкаю я командирским голосом.

Они разбегаются в разные стороны, как испуганные газели, отчаянно спасающиеся от разъярённого ревущего льва.

Михаил смотрит на меня с откровенно забавной ухмылкой на своём раздражающе привлекательном лице.

– А вы, – грозно шиплю я, указывая на него пальцем. – Немедленно уберите эту отвратительную железную штуку, которая так и ждёт срочного визита в отделение неотложной помощи, из моей рабочей палатки. Сию же секунду!

Он просто равнодушно пожимает своими широкими мускулистыми плечами, спокойно глядя на меня невозмутимыми голубыми глазами.

– А куда именно вы хотите, чтобы я его поставил? – вежливо интересуется он.

– На парковку! – рявкаю я, махая рукой в сторону выхода. – Или я с превеликим удовольствием лично закачу его прямо в реку для вас!

– Я думал, я уже нахожусь на парковке, – невозмутимо говорит он, многозначительно глядя вниз на серый бетонный пол. – Вы прямо сейчас стоите на старом масляном пятне от чьей-то машины и ведёте себя как властная стерва.

Я резко втягиваю воздух и торопливо отхожу в сторону, продолжая сверлить его испепеляющим взглядом.

– Это служебная палатка. Моя личная служебная палат-

я! – с достоинством заявляю я.

– Которая расположена на общественной парковке, – спокойно парирует он.

Моё тело напрягается как натянутая струна. Господи, что за человек этот парень? Словно он интуитивно знает, как нажать на каждую мою болевую точку с хирургической точностью.

– Независимо от того, где именно расположена палатка, – говорю я, из последних сил стараясь сохранить голос приятным и спокойным, – я являюсь капитаном этой палатки, и у меня есть последнее слово в том, что здесь происходит...

– Капитан палатки? – переспрашивает он с плохо скрываемым смехом в голосе.

– Да, именно так! – с вызовом отвечаю я, гордо задрав подбородок. – Капитан!

Он лениво и иронично салютует мне, небрежно бросая шлем на кожаное сиденье мотоцикла.

– Что ж, господин капитан, это было весьма забавно и познавательно, но мне срочно нужно попасть внутрь отеля, чтобы как следует подготовиться к торжеству.

– Нет! – категорично заявляю я, когда он поворачивается ко мне спиной. – Мы ещё не закончили наш разговор!

Мать жениха, Людмила Игоревна Богатырёва, входит в палатку с грацией опасной хищницы, и я невольно отступаю назад с бешено бьющимся сердцем. Она поистине ужасающая женщина. Она способна подарить вам самую тёплую ма-

теринскую улыбку, одновременно убийственно раня острыми словами прямо в самое сердце.

С такой властной матерью я наконец начинаю понимать, почему байкерский мальчик Михаил имеет такой «прелестный» характер.

– Михаил! – говорит она тоном, который можно описать только как полную противоположность материнскому. – Я так и думала, что услышала этот невыносимо громкий рёв мотоцикла.

По крайней мере, в этом утверждении мы с ней полностью сходимся во мнениях.

Михаил красноречиво закатывает глаза в мою сторону, а потом поворачивается лицом к маме.

– Привет, мамочка. А я думал, что учуял твой невыносимо сильный парфюм. Как он называется? «Аромат свежего трупа»?

Она подходит к нему, грациозно помахивая дизайнерской сумочкой на руке, и церемонно чмокает воздух рядом с его небритыми щеками.

Её элегантное розовое платье и огромная соломенная шляпа выглядят так, будто стоят значительно дороже моей подержанной машины. Эта семья просто безумно, фантастически богата. Валентин Валентинович Богатырёв унаследовал крупнейшую страховую компанию в России, прежде чем начать свою невероятно успешную политическую карьеру. Богатырёвы на данный момент практически российская цар-

ская семья в современном исполнении. Я видела фотографии Валентина Валентиновича за торжественным обедом с президентом и другими влиятельными мировыми лидерами.

Я обычно особенно не слежу за политикой, но хороший профессиональный кейтеринг всегда тщательно проводит предварительное исследование своих клиентов.

Людмила Игоревна корчит ужасную гримасу, её придиричivé глаза медленно скользят по небритой щетине Михаила.

– Как мило с твоей стороны отрастить волосы на лице, как у подростка-снежного человека, чтобы твой родной брат выглядел ещё красивее в свой важный свадебный день, – ехидно комментирует она.

– Спасибо большое! – отвечает он с игривой ухмылкой. – И как мило с твоей стороны ждать аж до самого полудня, чтобы напиться в стельку.

– А кто сказал, что я ждала до полудня? – парирует она без тени смущения.

Я с трудом сглатываю, когда она поворачивается в мою сторону своим властным взглядом.

– Коктейль. Крепкий и побольше, – требовательно заявляет она.

– У нас здесь, к сожалению, нет никакого алкоголя, – говорю я дрожащим от волнения голосом.

– Это же свадебная палатка, не так ли? Мы ведь не староверы какие-нибудь, – заявляет она с вызовом.

– Мы обслуживаем водителей и службу охраны, – терпеливо объясняю я с нервным смешком. – Мы же не хотим, чтобы они напились и что-то натворили, правда ведь?

Она просто молча смотрит на меня своим леденящим взглядом.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу под её пристальным вниманием.

– Это может стать по-настоящему опасно для всех окружающих, – добавляю я для убедительности.

– Вы, очевидно, никогда не видели мою дорогую мамочку без спиртного в крови, – с широкой ухмылкой говорит Михаил. – Вот это действительно смертельно опасно для всех живых существ в радиусе километра.

К моему искреннему удивлению, Людмила от души смеётся и крепко обнимает своего непутёвого сына.

– Я так скучала по тебе, мой дорогой! Почему ты никогда не навещаешь родительский дом? – с упреком спрашивает она.

– Мам, – говорит он, устало наклоняя голову набок.

Она ласково шлёпает его по широкому плечу.

– Знаю, знаю. Но, может быть, ты приедешь к нам в гости, когда твой братец уедет в одно из своих бесконечных плаваний на роскошной яхте?

– Возможно, – уклончиво отвечает он.

Я осторожно отхожу за складной стол и начинаю аккуратно расставлять миниатюрные клубничные пирожные на

серебряный поднос, внимательно подслушивая их семейный разговор. Хороший профессиональный кейтеринг всегда держит ухо востро, чтобы лучше предугадывать потребности и желания своих клиентов.

– О, кстати! – внезапно восклицает Людмила Игоревна, вспоминая что-то важное. – Мы повсюду ищем эту турчанку. Ты её случайно не видел?

– Мам, ты просто обязана перестать называть её турчанкой, – с укором говорит Михаил. – Она станет твоей официальной невесткой уже через пару часов.

– Не дай Бог, если нам повезёт, и её депортируют обратно на родину, – с надеждой в голосе отвечает мать.

Михаил устало качает головой.

– Этого точно не случится, мам.

– Ты, конечно, прав. Миграционная служба больше не принимает мои анонимные доносы всерьёз. Проклятье! Я потратила все свои связи на нашу бывшую домработницу.

– Серьёзно, вы действительно не можете найти Софию? – обеспокоенно спрашивает Михаил, нервно проводя рукой по своим растрёпанным каштановым волосам. Мои глаза невольно на мгновение скользят по его крепкому рельефному трицепсу, когда рукав рубашки слегка сползает вниз. «Перестань немедленно!» – строго браню я себя мысленно и торопливо опускаю взгляд обратно на изящные сладости.

– Сбежавшая невеста! – весело смеётся Людмила Игоревна. – Кто бы мог подумать, что это будет именно твой благо-

получный братец, а не ты, неисправимый бунтарь?

– Пока что не я, – с улыбкой отвечает Михаил. – Я уверен, моя будущая невеста сразу же наденет кроссовки для бега, как только познакомится поближе с нашей любящей и гостеприимной семейкой.

– Звучит вполне правдоподобно, – соглашается мать, уже начиная медленно уходить. – Присматривай за её появлением внимательно, хорошо? И если увидишь где-нибудь поблизости коктейли, немедленно отправь их ко мне лично.

– Я даже ещё не встречал Софию, – кричит ей вслед Михаил. – Как она вообще выглядит?

– Как самая обычная турчанка! – резко отвечает Людмила Игоревна через плечо, прежде чем окончательно исчезнуть за пределами палатки.

Я постепенно начинаю понимать, почему у невесты внезапно похолодели ноги. Эта семья – явно слишком тяжёлое испытание для любого нормального человека.

В такие сложные моменты я искренне рада, что привыкла справляться со всем в одиночку. У меня, конечно, есть родители, но я вижу маму не чаще раза в год, а папу – всего три раза за последние пять лет. Мы изредка болтаем по телефону каждые пару недель, но всегда коротко и исключительно о поверхностных вещах – о его сломавшемся водонагревателе или новой паре зимних ботинок, которые он недавно купил со скидкой. Мама в основном только жалуется на папу, хотя они не виделись уже больше десяти лет.

Я аккуратно накрываю клубничные пирожные чистой салфеткой и выхожу из палатки на свежий воздух, чтобы отнести их в большие промышленные холодильники, подключённые к боковой стене здания.

Когда я осторожно засовываю поднос в холодильник, то замечаю потрясающе красивую невесту Софию, которая грустно сидит на крышке морозильной камеры и медленно курит сигарету. В её прекрасных карих глазах блестят невысохшие слёзы.

Вот чёрт возьми!

Я никогда в жизни не была особенно хороша в подобных деликатных вещах. Я определённо не тот человек, который умеет утешать и поддерживать. Обычно я как раз та, кто неосторожно вызывает слёзы у людей, а не та, кто умело их вытирает и успокаивает.

Но я просто обязана попробовать помочь.

Если эта долгожданная свадьба внезапно отменится, все мои потенциальные новые выгодные контакты и связи отменятся вместе с ней без всякой надежды на восстановление.

Я глубоко втягиваю воздух и решительно подхожу к расстроенной невесте с учащённо бьющимся от волнения пульсом.

– София? – осторожно спрашиваю я мягким голосом. – У вас всё в порядке? Может быть, чем-то могу помочь?

Глава 2

Майя

София глубоко затягивается папиросой, глядя на меня покрасневшими, опухшими от слёз глазами. Она настолько прекрасна, что это почти дьявольски завораживает. Как вообще можно выглядеть ещё красивее, когда плачешь? Спрашиваю, как человек, который во время слёз выглядит откровенно ужасно – с красным носом и распухшими веками.

София – одна из тех природных темноволосых красавиц, словно созданных для того, чтобы блистать в белоснежном свадебном платье. Но дело отнюдь не только во внешности. Она столь же умна и проницательна, сколь и красива. Успешный девелопер недвижимости, чьи проекты охватывают не только всю Россию, но и ближнее зарубежье – от элитных комплексов в Сочи до торговых центров в Казахстане.

– Всё это совершенно неправильно, – произносит она, устремляя взгляд в пустоту. – Я от всей души ненавижу эту свадьбу.

– Мне кажется, всё выглядит довольно идеально, – отвечаю я, окидывая взором великолепный отель в центре нашей столицы. Солнце сияет золотистыми лучами, дует приятный прохладный бриз с Москва реки. Поистине, идеальный день для свадьбы, хотя я бы лично выбрала розово-серую цветовую гамму, чтобы она гармонично сочеталась с классической

архитектурой здания в стиле модерн...

– Идеально для глянцевого журнала, – резко перебивает она, делая ещё одну нервную, агрессивную затяжку. – Но совершенно не для меня лично. Эта семья Богатырёвых – худшее, что только можно себе представить. Этот день целиком и полностью посвящён им, а не нам с Артёмом. Моих друзей и родственников даже не пустили на торжество, потому что Валентин Валентинович Богатырёв захотел произвести впечатление на своих друзей-политиков и ему категорически не понравилась «оптика» присутствия гостей, говорящих по-турецки и по-армянски.

– Это просто ужасно и несправедливо.

Она смотрит на меня широко раскрытыми, полными боли глазами.

– Да, именно так! Я прекрасно понимаю, как это звучит. Я чувствую себя всего лишь красивой декорацией в его политической карьере, а не полноценным новым членом семьи. Это совсем не то, о чём я мечтала для своей свадьбы с самого детства. Скажите честно – я что, сумасшедшая?

– Вовсе нет, вы абсолютно правы.

София предлагает мне папиросу, но я инстинктивно отмахиваюсь. Впрочем, чёрт возьми, почему бы и нет – день-то особенный. Я неумело делаю затяжку и тут же раздражаюсь приступом кашля. София впервые за день искренне улыбается.

– Расскажите, как вы представляете себе свою свадьбу

мечты? – интересуется она, слегка наклонив голову.

Я задумчиво прикусываю нижнюю губу, мысленно перебирая варианты.

– Честно признаюсь – я никогда серьёзно об этом не размышляла.

Она изучает меня взглядом так внимательно, словно пытается понять, к какому редкому виду человеческих существ я отношусь.

– Вы действительно никогда не представляли собственную свадьбу? Ни разу?

– Ну понимаете, я не смогла бы пригласить родителей – это обернулось бы настоящей катастрофой. Они бы препирались и скандалили всё время, причём меня бы никогда не простили, если бы я пригласила одного, а другого оставила за бортом. Так что нам с будущим мужем пришлось бы остаться вдвоём. Где-нибудь в по-настоящему романтическом, уединённом месте. Например, на красивой вилле у самого берега моря.

– Вилла на берегу моря? – переспрашивает она с нарастающим интересом.

Я неожиданно для себя увлекаюсь этой фантазией и начинаю говорить с воодушевлением.

– Да, представьте себе – только мы вдвоём под бескрайним небом. Это было бы невероятно романтично, немного эгоистично и при этом – чистейшая магия. Мы бы наняли местного чиновника из ЗАГСа, чтобы он поженил нас прямо

на песчаном пляже под шум прибоя. — Теперь я ясно и отчётливо вижу эту восхитительную картину перед внутренним взором. — А потом попросили бы двух случайно проходивших мимо молодожёнов стать нашими свидетелями, и они наверняка стали бы нашими друзьями на всю оставшуюся жизнь. После роскошного пикника прямо на тёплом песке и наблюдения за потрясающе красивым закатом мой новоиспечённый муж развёл бы романтический костёр на пляже. Мы включили бы спокойную, мелодичную музыку и танцевали бы всю ночь напролёт под россыпью ярких звёзд, с волшебной полной луной, мерцающей серебристыми бликами на спокойной тёплой воде. А затем мы занялись бы любовью прямо на мягком пледе, и я заснула бы совершенно счастливая и умиротворённая, в крепких объятиях моего нового мужа, под убаюкивающий, мерный шум морских волн.

Я закрываю глаза и ещё немного погружаюсь в эту сладостную фантазию, почти физически ощущая солоноватый вкус морской воды на губах и утешительное тепло сильных мужских рук. По всей коже пробегают мурашки от этих ярких образов. Хватит, Майя! Большие романтические моменты определённно не твоё ближайшее будущее.

Когда я с усилием отгоняю эту легкомысленную фантазию и открываю глаза, София уже яростно указывает на меня дрожащим пальцем, а её слёзы словно по волшебству высохли. Пепел отрывается от кончика её папиросы, пока её указательный палец нервно рассекает воздух вверх-вниз.

– Да! Да, именно так!! Вот именно это я и хочу для себя!

Внезапное и совершенно ошеломляющее чувство нарастающего ужаса буквально захлёстывает меня, когда София резко прыгивает с промышленного морозильника и встаёт с железной решимостью, написанной на красивом лице.

– Огромное спасибо вам! – восклицает она, энергично раздавливая недокуренную папиросу каблуком туфли. – Просто неоценимое спасибо! Как вас зовут, милая?

Безумное, почти маниакальное желание выпалить «Аня» внезапно вспыхивает в моём мозгу, но я глубоко втягиваю воздух и решительно отгоняю эту мысль.

– Майя.

– Майя, – повторяет она, тепло и благодарно улыбаясь. – Я бы ни за что не решилась на подобный шаг без вашей поддержки и вдохновения.

«Ох, чёрт возьми». Это определённо нехорошие новости. Теперь она превратилась в женщину с чёткой миссией, лихорадочно начав перечислять неотложные задачи.

– Мне срочно нужно взять паспорт и наскоро собрать вещи, – бормочет она сама себе под нос, явно составляя план действий. – Ещё надо найти подходящую виллу у моря в Крыму. И священника для венчания или сотрудника из ЗАГСа.

– Погодите-погодите, – торопливо говорю я, чувствуя, как адреналин бурно закипает в моих венах. – Давайте сначала спокойно обсудим этот вопрос. Пляжная свадьба? Не кажет-

ся ли вам это несколько банальным, даже избитым?

– Нет, это будет абсолютно идеально, – возражает она, уже практически не слыша мои слова. – Это будет исключительно о нашей искренней любви. О нашей взаимной преданности друг другу. Нам совершенно не нужны посторонние люди для выражения наших чувств.

– Но подумайте о насекомых, – отчаянно говорю я, хватаясь буквально за любую соломинку, чтобы развернуть этот безумный поезд в противоположную сторону. – Я недавно слышала, что в Крыму настоящая эпидемия песчаных блох, а заниматься любовью на пляже... Вы когда-нибудь чувствовали, как песок попадает в... ну, понимаете, куда? Поверьте мне, это совсем не романтический пикник!

Но София уже полностью поглощена составлением грандиозных планов в своей голове, в то время как моё артериальное давление стремительно взлетает до небес. Этого просто не может происходить наяву. Нет, нет и ещё раз нет!

Вот именно поэтому предаваться фантазиям – крайне плохая идея! Они неизбежно приносят только серьёзные неприятности.

Я буду окончательно разорена, если эта свадьба в последний момент не состоится. Какая кейтеринговая компания умудряется уговорить невесту сбежать утром в день собственной свадьбы?! Только та, что стремительно катится к банкротству.

В этот критический момент Артём, жених, подбегает на

звук голоса своей прекрасной, но явно слегка неуравновешенной невесты.

– София! Родители говорили, что ты куда-то исчезла!

Влюблённые бросаются друг к другу в страстные объятия. Я чувствую, как от них буквально волнами исходит настоящая, глубокая любовь. Это искренне трогает сердце, несмотря на всю критичность ситуации.

– Я не могу выходить замуж именно таким образом, – твёрдо заявляет София, немного отстраняясь, чтобы заглянуть в прекрасные голубые глаза своего возлюбленного.

По его внезапно болезненному выражению лица я отчётливо вижу, как его сердце мгновенно разбивается на мелкие осколки.

– Ты... ты не хочешь за меня замуж? – хрипло спрашивает он.

– Конечно хочу! – поспешно и горячо отвечает она. – Но я хочу, чтобы наша свадьба была посвящена исключительно нам двоим. А не политическим амбициям твоего отца.

Артём нежно обнимает свою невесту, внимательно выслушивая её, не позволяя себе перебивать. Это выглядит невероятно мило и заботливо, и я невольно задаюсь вопросом – как его брат-близнец умудрился превратиться в такого законченного придурка?

– У Майи была поистине замечательная идея, – говорит София, благодарно улыбаясь в мою сторону.

– Это далеко не совсем моя идея, – торопливо возражаю

я, отчаянно пытаюсь дистанцироваться. – Я практически не участвовала в её формулировке.

– Она считает, что мы должны немедленно сбежать.

Я энергично качаю головой.

– Я никогда не говорила именно «сбежать».

– Майя предложила, что мы должны срочно уехать и пожениться на красивом морском пляже. Разве это не невероятно романтично? Никаких родственников, которые постоянно спорят и делают всё исключительно о себе любимых. Только мы вдвоём. Пляж. Наша искренняя любовь. Это станет поистине незабываемым.

София смотрит на него с искренней надеждой в сияющих глазах, а я изо всех сил собираю нервы в кулак, внутренне уверяя себя, что Артём обязательно поступит практично и разумно, и сумеет уговорить её отказаться от этой совершенно безумной идеи. Он скажет ей, что у неё просто классический случай предсвадебного волнения, и что было бы непростительно жаль упустить эту действительно идеальную, тщательно спланированную свадьбу. Он непременно сделает единственно правильный выбор.

– А мы можем воспользоваться виллой моего начальника в Сочи, – неожиданно говорит он, и его лицо моментально загорается энтузиазмом.

«Чёрт возьми!»

– Я немедленно позвоню ему прямо сейчас!

– А я сейчас же куплю билеты на самолёт!

– Подождите минутку, – умоляюще говорю я, наблюдая, как они оба одновременно достают свои мобильные телефоны и полностью погружаются в экраны. – Давайте сделаем небольшую паузу, прежде чем совершать что-то по-настоящему опрометчивое и необдуманное.

Но они совершенно меня не слушают. Ну почему же они упорно не слушают?!

– А разве Сочи не рассадник хаоса с толпами туристов, где пляжи забиты до отказа, а цены взлетают до небес? – отчаянно выпаливаю я, словно пытаюсь заткнуть крошечным детским пластырем огромную трещину в плотине. Ситуация явно выходит из-под контроля.

– Я уже забронировала авиабилеты! – радостно взвизгивает София.

– Что?! – задыхаюсь я от ужаса.

– Мы вылетаем уже через два с половиной часа. Нужно немедленно ехать в аэропорт Домодедово. У нас совершенно нет времени на сборы багажа.

Артём страстно целует её в губы. Меня буквально тошнит от происходящего.

– Мой начальник неоднократно предлагал использовать виллу в любое подходящее время, – говорит он, нежно беря её за руку и влюблённо глядя в глаза. – Я позвоню ему прямо по дороге в аэропорт, но абсолютно уверен, что всё будет в полном порядке. А всё необходимое мы купим уже на месте.

– Но моё свадебное платье...

– Да кому оно вообще нужно? – нежно перебивает он. – Я бы с радостью женился на тебе даже в домашнем халате.

На этот раз уже она страстно целует его.

– Я тебя безумно люблю, Артём. Давай немедленно уедем отсюда.

Мой желудок камнем падает куда-то в область пяток.

– Но подумайте о... – отчаянно кричу я. – Авиакатастрофы! Ядовитые медузы! Желудочные расстройства путешественников!

Но они уже решительно уходят, не обращая на меня никакого внимания.

«Нет!! Что, чёрт возьми, я наделала?!»

Я хватаюсь обеими руками за голову, чувствуя приближение приступа гипервентиляции.

Михаил материализуется буквально из ниоткуда и бросает на меня крайне странный взгляд, прежде чем окликнуть своего брата.

– Артём! Что, собственно говоря, здесь происходит?

Артём оборачивается, и его глаза моментально загораются искренней радостью, когда он видит брата-близнеца. Он подбегает и крепко обнимает Михаила.

– Пойдём скорее, познакомься с моей невестой.

– Разве не дурная примета для жениха видаться с невестой перед самой свадебной церемонией? – интересуется Михаил, когда София поворачивается в их сторону.

– Мы сами создаём свою собственную удачу, – уверенно

заявляет София, тепло обнимая его. Михаил заметно напрягается от неожиданности. – Я столько хорошего о тебе слышала, Михаил. Очень надеюсь, что вскоре мы снова увидимся.

– Тогда выпьем за это на свадебном банкете. Судя по внешности, ты девушка, которая умеет ценить хорошую водку.

Артём отрицательно качает головой.

– Увы, придётся праздновать без нас. Мы решили сбежать. Михаил смотрит на него в полном изумлении.

– Отец тебя просто убьёт. У него в гараже лежит настоящая бензопила. Я собственными глазами видел.

– На этот раз дело совершенно не в нём, – решительно говорит Артём, беря Софию за руку и нежно переплетая их пальцы. Она крепко сжимает его предплечье и доверчиво кладёт голову ему на плечо. – Это исключительно о нашей взаимной любви.

Все взгляды напряжённо устремляются на Михаила, пока он пытается осмыслить этот внезапный драматический поворот событий.

– Чем я могу помочь? – наконец спрашивает он после паузы.

Артём и София с облегчением и благодарностью улыбаются.

– Ты мог бы сообщить всё маме с папой.

Михаил решительно качает головой.

– Я думал больше о том, чтобы подвезти вас в аэропорт или одолжить купальные принадлежности.

Артём отпускает невесту и братски обнимает близнеца.

– Мы обязательно скоро встретимся, хорошо? Мне так искренне жаль, что мы столько времени не виделись.

Я невольно вздрагиваю, когда София неожиданно подходит и тепло обнимает меня.

– Ох! Ну... хорошо.

– Огромное спасибо за потрясающую идею, Майя, – говорит она удивительно нежным голосом. – Если бы не ваша поддержка, я бы вышла замуж здесь, в этом кошмаре.

– Повторяю, это далеко не совсем моя идея, – настойчиво возражаю я, украдкой бросая взгляд на Михаила, который многозначительно косится в мою сторону. – Это был всего лишь едва зародившийся зародыш идеи. А вы сами её полностью развили и воплотили. Все лавры безусловно принадлежат вам.

София кладёт изящную ладонь себе на грудь, отрицательно качая головой.

– Нет-нет. Это определённо была именно ваша идея.

Брови Михаила красноречиво поднимаются, пока он пристально изучает меня взглядом.

«Чёрт побери!» Ну почему она настойчиво продолжает приписывать мне эту сомнительную заслугу? И отчего мои ладони стали такими неприятно потными?

Я нервно тру руки о брючины, выдавливая из себя макси-

мально натянутую улыбку.

– Ещё совсем не поздно кардинально передумать! Только представь себе, как романтично вас поженят в этом поистине великолепном месте. Вот где настоящая романтика!

Я нервно и фальшиво хихикаю, но всё это совершенно бесполезно. Влюблённая пара уже окончательно и бесповоротно приняла твёрдое решение.

– Постойте! – отчаянно восклицаю я, когда они поворачиваются, чтобы окончательно уйти. – А вы обязательно должны поехать в аэропорт на мотоцикле Михаила! Вот это действительно было бы по-настоящему романтично. Только вы вдвоём, красиво уезжающие навстречу горизонту.

Если уж я окончательно иду ко дну, то хочу хотя бы утащить с собой этого самоуверенного байкерского мальчишку.

Михаил смотрит на меня совершенно безумными глазами.

– Вы же сами сказали, что подбросите их в аэропорт, – с показной невинностью говорю я. – Так одолжите им свой мотоцикл.

– Я никогда в жизни не ездила на мотоцикле, – признаётся София, явно проявляя живой интерес к этой идее.

– Это действительно было бы здорово, Михаил, – соглашается Артём. – Искренне спасибо.

Я изо всех сил стараюсь не рассмеяться во весь голос, наблюдая, как Михаил крайне неохотно достаёт и передаёт ключи.

– Мотоцикл припаркован рядом с нашей палаткой, – любезно сообщаю я, одаривая Михаила ехидной ухмылкой.

Мы оба стоим в состоянии лёгкого шока, молча наблюдая, как счастливые влюблённые, крепко держась за руки, поспешно направляются к палатке.

Воздух между нами становится ощутимо напряжённым, когда мы остаёмся наедине. Михаил медленно поворачивается в мою сторону и буквально сверлит меня тяжёлым взглядом.

– Значит, ваша идея, да?

– Идея исключительно Софии. Она же сама так ясно сказала, правда?

– Вы сейчас пытаетесь применить ко мне газлайтинг?

Паника возвращается с удвоенной силой.

– Я просто не хочу потерять свой бизнес, – отчаянно выпаливаю я, ощущая, как начинаю физически слабеть. – Как думаете, ваш отец очень сильно разозлится?

– Разозлится? – он саркастически смеётся. – Когда мой батюшка узнает, что на его драгоценной, тщательно спланированной свадьбе отсутствуют главные действующие лица – жених с невестой, он придёт в неопишемую ярость. Честно признаюсь – не могу дождаться этого момента.

– Ох, чёрт побери, – тихо бормочу я, начиная нервно метаться из стороны в сторону. – Это действительно так ужасно плохо.

Рёв заводящегося мотоцикла Михаила оглушительно бьёт

по ушам, и мы оба как завороченные смотрим, как счастливая пара стремительно убегает от своей якобы идеальной свадьбы.

– По крайней мере, мой брат со своей невестой получают именно ту свадьбу, которую по-настоящему заслуживают, – тихо произносит Михаил. – Они будут благодарить вас за это до конца своих дней.

Я внимательно смотрю на него, и его пронзительные голубые глаза заметно смягчаются, изучая моё лицо. Признаю, он довольно симпатичен, если не обращать особого внимания на неухоженную щетинистую бороду и длинные растрёпанные волосы, в которых, кажется, вполне могут обитать мелкие лесные зверьки.

– Куда, чёрт возьми, они подевались? – истошно визжит Людмила Игоревна, налетая на нас словно разъярённый птеродактиль.

– Мне срочно нужно в палатку, – поспешно говорю я, пытаясь отойти в сторону. Но Михаил неожиданно хватается за запястье и крепко удерживает.

– Они уехали, – спокойно сообщает он. – Молодые решили сбежать.

– Сбежать?! – с нарастающей истерикой повторяет Людмила Игоревна, её ноздри угрожающе раздуваются. – Как они вообще могли так жестоко со мной поступить?

Михаил поворачивается ко мне с красноречивым пожатием плеч.

– Теперь вы прекрасно понимаете, почему они предпочли уехать.

Людмила Игоревна резко поворачивает голову и буквально сверлит меня злобным взглядом.

– А эта особа знала об их планах?

– Более того – это была её личная идея, – невозмутимо сообщает Михаил.

– Это абсолютная неправда, – откровенно лгу я. – Я была скорее невинным случайным наблюдателем, которая просто пыталась убрать клубничные пирожные. Мне действительно пора в палатку.

Я резким движением вырываю руку из цепкой хватки Михаила, но не успеваю сделать и трёх шагов, как Людмила словно коршун хватает меня за другую руку своими изящными, но железными пальцами.

– Кто ещё об этом знает? – её голос звучит напряжённо, словно натянутая струна.

– Только мы трое, – отвечает Михаил, поправляя воротник своей льняной рубашки.

– Хмм... – Людмила Игоревна задумчиво хмурит брови, и я почти физически ощущаю, как в её голове крутятся шестерёнки сложного механизма. Почему эта новость так её пугает?

– Никому об этом не говорите, – твёрдо произносит она, наконец отпуская мою руку. – Свадьба ещё не отменена. И не будет отменена.

Мы с Михаилом молча наблюдаем, как она удаляется по аллее, её кулаки сжаты так сильно, что костяшки побелели.

– Похоже, свадьба всё-таки отменена, – констатирую я, когда Людмила скрывается за поворотом дорожки. – Жених и невеста исчезли без следа, словно их и не было.

– Кто знает, какие коварные планы вынашивает её хитроумный разум? – философски замечает Михаил, поправляя свои вечно непослушные волосы. – Лучше бы нам отсюда убраться. Жаль только, что у меня нет мотоцикла.

Он пронзает меня своим пристальным взглядом. Я смотрю в ответ, не отводя глаз.

– Спасибо вам огромное, что сдали меня с потрохами, – с сарказмом выпаливаю я. – Вам что, шесть лет от роду, что ли?

– Это вам спасибо за то, что отдали мой мотоцикл чужому человеку.

– Это была услуга, между прочим, – огрызаюсь я, чувствуя, как во мне закипает праведный гнев. – Вы на этой железке выглядите просто нелепо.

– А вы всегда такая властная и всезнающая?

– Да, всегда. А вы всегда такой самоуверенный и инфантильный?

– Только в особенно хорошие дни, – с усмешкой отвечает он.

Мы сверлим друг друга взглядами в течение долгого, напряжённого момента, пока здравый смысл не берёт верх, и я

не отворачиваюсь, решительно направляясь прочь.

– Я буду в своём шатре. Работать, – бросаю я через плечо.

– Превосходно! – кричит он мне вслед с показной весёлостью. – А я буду здесь наблюдать, как разворачивается тот самый бардак, который ты так умело устроила.

Мне безумно хочется развернуться и высказать ему всё, что я думаю о нём и его семейке, но вместо этого я ухожу с недовольным «хмф», стараясь не оборачиваться. Эта семья – настоящий кошмар наяву. И всё же я рада, что убедила Софию сбежать с этой показной свадьбы, даже если это грозит мне самыми ужасными последствиями.

Я возвращаюсь в свой рабочий шатёр, и Аня тут же поднимает на меня встревоженные глаза.

– Где ты пропадала? Церемония начинается через... – Она бросает взгляд на свои наручные часы с перламутровым циферблатом. – Час и сорок минут.

Я тяжело опускаюсь в мягкое кресло и с облегчением выдыхаю.

– А ты когда-нибудь думаешь о своей будущей свадьбе? – неожиданно спрашиваю я.

Аня садится рядом и смешно морщит свой курносый нос.

– Я никогда не выйду замуж. Представляешь, что будет, если мы разведёмся, и он захочет половину моей коллекции гитар? – Она задумчиво перебирает вилки. – У меня их уже семнадцать штук.

– Здесь сегодня будут сотни людей, – говорю я, окидывая

взглядом наш импровизированный штаб. – А я даже не могу себе представить, кто бы пришёл на мою свадьбу.

Аня участливо кладёт свою тёплую руку поверх моей.

– Я приду на твою свадьбу. Обязательно приду, даже если она состоится через пятьдесят лет.

– Ох, господи боже мой, – бормочу я с ужасом. – Только не через пятьдесят лет, умоляю.

Аня странно смотрит на меня, когда я продолжаю сидеть не шевелясь. Обычно я бы уже носилась по шатру как угревая, придираясь к каждой мелочи и проверяя все детали по три раза, но сейчас я просто не вижу в этом смысла. Свадьбы не будет – это очевидно. Мой шанс произвести впечатление на новых состоятельных клиентов придётся отложить на неопределённое время.

– Ты в порядке? – осторожно спрашивает Аня, изучая моё лицо.

– Я крупно облажалась, – честно признаюсь я. – Причём по самое не могу.

Прежде чем Аня успевает спросить, какую именно глупость я умудрилась совершить, Людмила Игоревна врывается в наш шатёр, словно разъярённый огнедышащий дракон.

– Ты! – грозно произносит она, раздувая ноздри и указывая на меня перстом с безупречным маникюром. – Марта!

– Майя, – поправляю я.

– Неважно, как тебя там зовут. Идём со мной немедленно. Мы с тобой ещё далеко не закончили наш разговор.

Я с трудом сглатываю подступивший к горлу ком, медленно встаю и покорно следую за ней, чувствуя себя приговорённой к казни.

Глава 3

Майя

– О чём речь? – спрашиваю я, торопливо шагая следом за Людмилой Игоревной по мраморным ступеням роскошного отеля. Мелкие волоски на затылке встают дыбом от нервного напряжения, когда мы проходим мимо офицеров Федеральной службы охраны в тёмных костюмах и входим в величественный холл с позолоченными колоннами и хрустальными люстрами. Чувствую себя совершенно не в своей тарелке – словно простая деревенская девчонка, попавшая в логово столичной элиты.

– О чём речь? – переспрашивает Людмила Игоревна, грозно приподнимая тонко выщипанные брови. – О коктейльных салфетках в гостиную для особо важных персон.

– Ах, вот что... – выдыхаю я с заметным облегчением, уже мысленно прикидывая, сколько потребуется времени на восполнение недостающих принадлежностей. – Я немедленно займусь пополнением запасов, Людмила Игоревна.

– Мне совершенно наплевать на эти чёртовы салфетки! – взрывается она, повышая голос до того уровня, когда эхо отражается от высоких сводов потолка. – Жених и невеста исчезли в неизвестном направлении! И это исключительно твоя вина, Майя.

Я растерянно качаю головой, чувствуя, как мой желудок

болезненно сжимается от осознания масштаба происходящего.

– Клянусь вам, это зашло слишком далеко. Поверьте мне на слово – это была совсем не моя идея устраивать подобное представление.

Людмила Игоревна бросает на меня взгляд такой силы, что даже легендарная Медуза Горгона позеленела бы от зависти, и с высоко поднятой головой, источая аристократическое достоинство, устремляется вверх по парадной мраморной лестнице с резными балясинами.

– Хорошо, хорошо, признаю – поездка на море была моей идеей, – говорю я, торопливо поднимаясь за ней по ступенькам и слегка задыхаясь от волнения, – но я никогда, слышите, никогда не предлагала им сбежать, как беглым влюблённым из романа!

Людмила Игоревна внезапно останавливается и резко разворачивается на середине лестницы под огромной картиной с изображением охоты. Я невольно сглатываю комок в горле, когда она смотрит на меня сверху вниз с высоты своего положения и социального статуса, угрожающе тыча изящно маникюрным пальцем мне прямо в лицо.

– Она уехала именно из-за тебя, девочка. И ты это немедленно исправишь, понятно?

Что это вообще означает? Нет невесты – нет свадьбы. Как можно исправить то, что невозможно исправить по определению?

Я глубоко вдыхаю прохладный воздух с лёгким ароматом дорогих французских духов, пытаюсь успокоить эту совершенно безумную ситуацию и привести свои мысли в порядок.

— Людмила Игоревна, я думаю, если мы сделаем шаг назад и трезво посмотрим на сложившуюся ситуацию с разных сторон...

Но она уже уходит, не дослушав мои оправдания. Я тяжело вздыхаю, глядя на развевающуюся розовую шаль из натурального шёлка, струящуюся за её плечами, пока она продолжает величественно подниматься по лестнице, словно императрица, направляющаяся к трону. Мне ничего не остаётся, кроме как следовать за ней.

Людмила Игоревна не произносит ни единого слова и даже не удостоивает меня взглядом, пока мы проходим через великолепные залы отеля с антикварной мебелью и коллекционными картинами. Повсюду расставлены огромные цветочные композиции из белых лилий и красных роз, а сотрудники Федеральной службы охраны в штатском незаметно прячутся за массивными вазами из уральского малахита, внимательно наблюдая за каждым нашим движением. Они заметно настораживаются и переговариваются в миниатюрные рации, когда Людмила Игоревна проходит мимо решительной походкой человека, привыкшего к власти.

Две массивные двери из карельской берёзы с позолоченной фурнитурой ожидают нас в конце длинного коридора,

устланного персидским ковром, и с каждым шагом в их направлении я чувствую, как моя уверенность тает, а рост уменьшается на добрый сантиметр.

Охранник в чёрном костюме с едва заметным наушником в ухе мгновенно подскакивает с кресла и почтительно открывает тяжёлую дверь, стоит лишь Людмиле Игоревне приблизиться. Она не сбавляет темпа, решительно вторгаясь в огромный конференц-зал с видом на прекрасные пейзажи.

Я следую за ней, чувствуя, как сердце бешено колотится где-то в районе горла.

Первое, что я замечаю, – это Михаил, сидящий за гигантским столом из красного дерева размером примерно с небольшой автомобиль. Его мускулистые руки скрещены на широкой груди, лицо напряжено и сосредоточенно, а тёмные волосы, как всегда, непривлекательно длинные и слегка расчёпанные. Он сидит настолько далеко от своего отца, насколько это физически возможно в пределах одного помещения, словно готов в любую секунду сорваться с места и выпрыгнуть в окно к воронам, кружащим над отелем.

Мой взгляд невольно устремляется к Валентину Валентиновичу Богатырёву. Я физически ощущаю мощную ауру власти и влияния, исходящую от этого человека, пока он сидит во главе стола в идеально сшитом костюме от лучших московских портных, неторопливо разговаривая по защищённому телефону глубоким, властным голосом с лёгкими нотками подмосковного говорка.

– Понял, Виталий Владимирович. Тогда увидимся сегодня вечером на торжественном приёме.

Я невольно подпрыгиваю от неожиданности, когда массивная дверь за моей спиной захлопывается с глухим звуком.

Наши глаза с Михаилом на миг встречаются, и в его тёмном взгляде читается смесь раздражения и обречённости, после чего он демонстративно отворачивается к окну. Напряжение в воздухе становится настолько густым, что его можно резать ножом, когда председатель Государственной Думы заканчивает разговор и кладёт трубку.

– Вот она, – произносит Людмила Игоревна, указывая на меня изящным жестом и одновременно витая вокруг стола подобно хищной птице.

Валентин Валентинович внимательно изучает меня прощательным взглядом опытного политика и нажимает кнопку на многоканальном телефоне.

– Константин Петрович, не соединяйте больше никаких звонков до особого распоряжения.

– Слушаюсь, Валентин Валентинович.

Он уже облачён в безупречно сидящий смокинг, подчёркивающий его широкие плечи и мощные руки бывшего спортсмена. Трудно испытывать страх перед человеком в элегантной бабочке, но этому мужчине каким-то образом удаётся производить устрашающее впечатление. Он действительно пугающий в своей невозмутимой уверенности.

Я выросла в глухой тверской деревушке, о которой вы на-

верняка никогда не слышали и которой нет даже на подробных картах области. Мой отец всю жизнь работал директором сельской школы, а мать – корреспондентом районной газеты «Тверские вести». Я никогда прежде не находилась в обществе столь влиятельных людей. Людей, которые могут поднять трубку и лично побеседовать с президентом России, принимать решения о судьбах регионов и избавляться от проблемных поставщиков услуг за гораздо меньшие провинности, чем срыв свадьбы их единственного сына и наследника.

Валентин Валентинович натянуто улыбается, вежливо указывая на мягкое кожаное кресло напротив себя.

– Присаживайся, пожалуйста, Майя.

Я ищу взглядом поддержку у Михаила, надеясь получить хоть какой-то совет или моральную поддержку в этой непростой ситуации. Но он лишь задумчиво закручивает свои тёмные волосы в небрежный мужской пучок и бессмысленно смотрит в пустоту за окном.

С бешено колотящимся пульсом, отдающимся в висках, я осторожно отодвигаю тяжёлое кресло и медленно опускаюсь в него.

– Это был президент Российской Федерации на линии, – произносит Валентин Валентинович, аккуратно складывая руки на полированной поверхности стола и пронзая меня своими суровыми голубыми глазами. – Виталий Владимирович лично приедет на свадебное торжество сегодня вечером.

– Разве свадьба не должна быть отменена в связи со сложившимися обстоятельствами? – осмеливаюсь спросить я тихим, неуверенным голосом.

Все присутствующие поворачиваются и пристально смотрят на меня.

Когда я начинаю нервно ёрзать в кресле, Людмила Игоревна решительно вмешивается в неловкую паузу.

– Ни в коем случае. Торжественное мероприятие всё равно состоится в назначенное время.

– Без жениха и невесты? – недоумённо переспрашиваю я.

Напряжение в просторном кабинете становится ещё более ощутимым и гнетущим. Валентин Валентинович неожиданно одаривает меня тёплой и, казалось бы, искренней улыбкой. Удивительно располагающая и дружелюбная улыбка от такого властного и влиятельного человека производит довольно странное впечатление.

– Майя, если не ошибаюсь? Майя Сергеевна Фёдорова?

– Да, совершенно верно, Валентин Валентинович.

– Зови меня просто Валентин, пожалуйста. – Он непринуждённо откидывается на спинку кожаного кресла, глубоко вздыхает и расстёгивает пиджак. – Майя, сегодня вечером у нас будет более семисот почётных гостей самого высокого ранга. Губернаторы шести субъектов Федерации, несколько десятков депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь. Вы понимаете, о чём я?

– Понимаю.

– Превосходно, – кивает он с одобрением. – Также ожидаются несколько генеральных директоров крупнейших государственных корпораций, министр иностранных дел и, разумеется, президент Российской Федерации собственной персоной. Я полагаю, вы прекрасно знаете, кто это такой.

Михаил демонстративно закатывает глаза и тяжело вздыхает.

– Сегодняшний вечер – это не просто свадебное торжество, – торжественно произносит Валентин, неторопливо поднимаясь с места и подходя к большому изогнутому окну с видом на подмосковные просторы. Он делает эффектную драматическую паузу, затем поворачивается с особенным блеском в проницательных глазах. – Сегодня вечером я официально объявлю о своём решении баллотироваться на пост президента Российской Федерации.

– Вы собираетесь баллотироваться в президенты? – выпаиваю я в полном шоке, чувствуя, как кровь отливает от лица.

– Совершенно верно.

– Российской Федерации?

– Нет, шашлычной «У Петровича», – ехидно отвечает Людмила Игоревна, театрально закатывая накрашенные глаза.

– Людмила, пожалуйста, – предостерегающе поднимает руку Валентин Валентинович. – Прошу тебя воздержаться

от сарказма.

Я быстро поворачиваюсь к Михаилу, и по его мрачному выражению лица становится очевидно, что он также слышит эту новость впервые и не особенно рад подобному развитию событий.

– Итак, как вы все понимаете, – продолжает Валентин Валентинович более деловым тоном. – Я нахожусь в весьма деликатном положении. Сегодня вечером состоится торжественное объявление о моём выдвижении, а завтра же начнётся интенсивная месячная медийная кампания, призванная максимально эффективно использовать созданный информационный резонанс. Моя команда заблаговременно забронировала эфирное время на центральных телеканалах, ток-шоу, утренние и вечерние передачи, и у нас подготовлена целая серия масштабных кампаний в социальных сетях, которые стартуют немедленно после официального объявления.

Людмила Игоревна бесшумно проходит за спиной Михаила и ласково кладёт руку ему на широкое плечо. Его голова упрямо отвёрнута в сторону от отца, и всем своим видом он источает плохо скрываемое презрение.

– Отмена свадебного торжества станет настоящей пиар-катастрофой для моего политического имиджа, – говорит Валентин Валентинович с печальным покачиванием сидящей головы. – Мой эгоистичный и безответственный сын, сбежавший в последний момент с невестой, и его легкомыс-

ленная избранница будут доминировать во всех новостных сводках, и я буду выглядеть полным посмешищем в глазах избирателей. Подобного развития событий не может и не должно произойти.

– Что конкретно вы хотите от меня? – спрашиваю я, искренне недоумевая, зачем я вообще нахожусь в этом кабинете. Я всего лишь владелица небольшого кейтерингового агентства, обслуживающая мероприятие на парковке. Я была бы ещё более не в своей тарелке разве что в качестве стартового питчера в команде по бейсболу «Спартак». – Хотите, чтобы я поехала в Домодедово и попыталась их отговорить от необдуманного поступка?

Ноздри Валентина Валентиновича гневно раздуваются.

– Ни в коем случае. Я уже имел обстоятельный разговор с Артёмом по защищённой связи. Когда у одного из моих упрямых сыновей что-то засядет в голове, никакие силы в мире не способны это изменить.

Я отчётливо слышу, как Михаил болезненно скрипит зубами.

– Может быть, это знак свыше, что вам не следует становиться президентом, – говорит он с плохо скрываемой горечью в голосе.

– Нет власти выше президентской в нашей великой стране, – резко огрызается Валентин Валентинович.

– Это лишь знак того, что эта София полностью контролирует твоего старшего брата, – язвительно замечает Людмила

Игоревна. – И мне это категорически не нравится, Миша.

Все взгляды возвращаются к Валентину Валентиновичу, пока он медленно и обдуманно подходит к столу. Этот человек явно рождён для того, чтобы командовать любой аудиторией. Кажется, у него развито шестое чувство – он инстинктивно знает, как привлечь всеобщее внимание и заставить людей замолчать в ожидании его слов.

– Валентин Валентинович, – осторожно произношу я, украдкой поглядывая на массивную дверь, ведущую к выходу. – Я до сих пор совершенно не понимаю, что конкретно вам от меня требуется.

Валентин Валентинович глубоко и тяжело вздыхает, отодвигает кожаное кресло рядом с моим местом и неторопливо садится. Я с большим трудом сглатываю пересохшее горло, напряжённо глядя на него.

– Майя, – говорит он на удивление мягким и располагающим голосом. – Мы хотим, чтобы ты сегодня исполнила роль невесты на этой свадьбе.

Я начинаю задыхаться от внезапного приступа кашля.

– Простите, что? – бормочу я, пока глаза слезятся от неожиданности. – Исполнить роль невесты? И выйти замуж за кого именно?

Валентин Валентинович и Людмила Игоревна одновременно поворачиваются в сторону Михаила.

– О господи боже мой.

Неужели я это произнесла вслух?

– Михаил, – говорит Валентин Валентинович более твёрдым и решительным тоном. – Мы хотим, чтобы ты немедленно подстриг эти волосы, тщательно побрился и убедительно изображал своего старшего брата на протяжении всех выходных дней.

Михаил презрительно фыркает.

– Батя, ты вообще серьёзно? Мама, скажи, что он шутит!

Людмила Игоревна равнодушно пожимает плечами.

– Это станет настоящей пиар-катастрофой для всей нашей семьи, если торжественное мероприятие будет отменено в последний момент.

Мой мозг, кажется, окончательно сломался и отказывается нормально функционировать, потому что он не способен обработать ничего из происходящего. Я? В роли невесты? У меня начинает кружиться голова, а в желудке поднимается тошнота от одной только мысли об этом абсурдном предложении.

Я резко поднимаюсь с места, отчаянно махая рукой перед разгорячённым лицом и пытаюсь вдохнуть побольше воздуха в лёгкие. Внезапно в просторном кабинете становится невыносимо душно и жарко.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спрашивает Михаил, внимательно глядя на меня потемневшими глазами. – У вас такое бледное лицо.

– Я совершенно в порядке, – откровенно лгу я, пока холодный пот выступает на лбу и ладонях. Чёрт возьми, те-

перь у меня ещё и голова кружится. Я судорожно хватаюсь за край полированного стола, бессильно падая обратно в мягкое кресло.

– Даже не утруждайте себя излишним волнением, Майя – флегматично замечает Михаил, – потому что я этого ни за что не сделаю.

Наигранное тепло мгновенно спадает с лица Валентина Валентиновича, когда он резко поворачивает голову в сторону младшего сына, готовясь к решительной атаке.

– Подумай хорошенько о чести фамилии Богатырёвых и о том колоссальном ущербе, который может нанести наш семейный скандал.

– Мы уже давно знаем, что ты нанёс репутации нашего рода достаточно ущерба на шесть поколений вперёд, не так ли, батя?

– Следи за своим языком, Михаил. Происходящее касается и тебя лично.

– Я простой автомеханик в провинциальном городишке с пятнадцатью тысячами работяг и пенсионеров, – говорит он с горьким смехом. – Каким образом это может меня затронуть?

– Речь идёт о президентстве величайшей страны мира! – гневно рявкает Валентин Валентинович. – Это навсегда укрепит корни нашего семейного дерева железобетоном. Твой старший брат Артём сможет пойти по моим стопам, твои будущие дети тоже смогут стать президентами. Если ты,

разумеется, не испортишь их окончательно своим дурным влиянием.

– Я просто не способен быть худшим отцом, чем ты.

Валентин Валентинович презрительно отмахивается.

– Оставь эти проблемы для своего психотерапевта, Михаил. У нас нет времени на твою постоянную вечеринку жалости к себе по поводу того, как ты получил абсолютно всё, что только можно пожелать в этой жизни, и всё равно умудрился найти повод для недовольства.

– Ты, чёрт возьми, издеваешься? – огрызается Михаил.

Людмила Игоревна осторожно подходит сзади и кладёт успокаивающую руку ему на напряжённый бицепс, что-то тихо шепча на ухо, но он раздражённо стряхивает её ладонь.

Первоначальный шок постепенно проходит, и желание немедленно убраться отсюда подальше накатывает с удвоенной силой. Я встаю настолько быстро, что тяжёлое кожаное кресло с грохотом отъезжает назад.

– Это полнейшее безумие! – восклицаю я, зажмурив глаза и покачав головой. – Вы хотите, чтобы я притворялась, что выхожу замуж? За него из всех возможных людей на свете!

Михаил мрачно хмурится, когда я указываю на него дрожащим пальцем.

– Нам также потребуется, чтобы ты убедительно изображала новобрачную на завтрашнем праздничном застолье, – спокойно добавляет Валентин Валентинович.

Я слишком громко и неприлично фыркаю.

– Ни в одной параллельной реальности, ни при каких обстоятельствах я никогда не вышла бы замуж за такого высокомерного, инфантильного, напыщенного и самовлюблённого типа, как он.

– Мы заплатим тебе десять миллионов рублей, – твёрдо и без тени сомнения произносит Валентин Валентинович.

Моя челюсть бессильно отвисает от неожиданности.

Возможно, он не такой уж и плохой человек, в конце концов.

Это действительно деньги, кардинально меняющие всю жизнь. Десять миллионов наличными...

Я смогла бы переехать в новую квартиру, где функционируют оба лифта... Купить подержанную машину, которая не пытается покончить жизнь самоубийством на каждом светофоре... Полностью погасить все накопившиеся долги... Значительно расширить свой скромный бизнес... Эти деньги действительно могут всё кардинально изменить к лучшему.

– Это настолько неправильно и аморально, – угрюмо бормочет Михаил, упорно уставившись в панорамное окно.

Я полностью с ним согласна. Но предложение также крайне заманчиво и соблазнительно.

– Но ведь все приглашённые гости будут ожидать увидеть Софию, – возражаю я, когда суровая реальность наконец возвращается в мои мысли.

– Никто из присутствующих никогда не видел эту турчанку воочию, – с нескрываемым презрением в голосе заявляет

Людмила Игоревна. – Кроме членов нашей семьи и свадебной команды организаторов, но мы обязательно с ними разберёмся.

– Неужели никто больше её совсем не знает?

Людмила Игоревна театрально закатывает глаза.

– Она подцепила моего старшего сына во время его деловой командировки в Турцию и весьма предусмотрительно ступила на российскую землю лишь несколько недель тому назад. Я бы непременно избавилась от неё гораздо раньше, если бы у меня было достаточно времени на подготовку операции.

– Но кто-то из многочисленных гостей наверняка видел её фотографии в социальных сетях? Где-нибудь ещё?!

Людмила Игоревна равнодушно пожимает плечами.

– У вас обеих тёмные волосы и вполне заурядные лица среднестатистических славянок.

– Спасибо за лестную характеристику.

– У вас, конечно, разные типы фигуры, но все подумают, что София просто слегка поправилась от предсвадебного стресса и российской кухни.

– Эй, это уже слишком!

– Никто не заметит принципиальной разницы, – торопливо объясняет Валентин Валентинович, стремясь сгладить неловкость. – Ты будешь убедительно изображать её, откликаться на её имя, подпишешь символический брачный документ, выпьешь несколько бокалов шампанского, потанцуешь

под живую музыку, отведаешь блинов с икрой завтра утром и отправишься домой с десятью миллионами рублей в кармане.

Я теряю дар речи, лихорадочно обдумывая это невероятное предложение. В принципе, это действительно может сработать...

– У неё не будет никакого жениха, – упрямо заявляет Михаил, – потому что я этого категорически не сделаю.

Валентин Валентинович полностью игнорирует его протесты и продолжает пристально смотреть на меня.

– Через две недели никто из гостей не вспомнит, как именно ты выглядишь.

Ну спасибо, очень утешительно.

– Я настоящая главная звезда сегодняшнего представления, – самодовольно продолжает он. – Во время традиционного тоста за молодых...

– За фальшивых молодых, – ехидно перебивает Людмила Игоревна.

– За несуществующих молодых, – мрачно поправляет Михаил.

– ...я сделаю своё историческое объявление перед всей страной. Именно это гости запомнят из сегодняшнего вечера на всю оставшуюся жизнь.

Мой перегруженный разум лихорадочно мечется из стороны в сторону, пока я нервно хожу взад-вперёд по дорогому персидскому ковру. Моему скромному семейному биз-

несу действительно остро необходим серьёзный приток денежных средств. Последние несколько лет выдались чрезвычайно тяжёлыми в финансовом плане. Первые два года после открытия дела шли относительно неплохо, но стоило мне арендовать более просторную коммерческую кухню, обновить устаревшее оборудование и нанять целую команду квалифицированных сотрудников, как грянула пандемия и нанесла сокрушительный удар по моему бизнесу. Было крайне тяжело оправиться после практически полного банкротства. Эти деньги могли бы кардинально всё изменить. Я смогла бы полностью погасить все долговые обязательства, значительно расшириться, активно развиваться...

Но мне всё равно остро нужны постоянные заказы. Мне требуются полезные связи и долгосрочные контракты гораздо больше, чем разовая денежная выплата. Деньги рано или поздно закончатся, и я неизбежно вернусь в ту же самую отправную точку. Мне нужны фундаментальные долгосрочные изменения.

Мышцы всего тела напрягаются, когда внезапная решимость окончательно берёт верх.

Я совершенно точно знаю, чего хочу добиться.

– В принципе, это теоретически возможно, – уклончиво произношу я.

– Серьёзно? – одновременно восклицают Михаил и Людмила Игоревна.

Валентин Валентинович с торжествующей силой бьёт ку-

лаком по полированному столу, и его лицо буквально загорается от предвкушения победы.

– Превосходно! Тогда считаем вопрос окончательно решённым.

Он энергично встаёт с места, протягивая мускулистую руку для официального рукопожатия. Я демонстративно скрепчиваю руки на груди и пристально смотрю на него. Восторг постепенно спадает с его лица, он неуверенно убирает руку и медленно опускается обратно в кресло.

– Чего именно ты хочешь, Майя?

Я выпрямляю спину, мысленно собираясь с духом для решающего разговора.

– Я хочу получить Золотой Контракт.

Все присутствующие смотрят на меня в полном недоумении.

– Какой именно? – осторожно спрашивает Людмила Игоревна.

Золотой Контракт – это возможно лишь полумифическая легенда среди всех кейтеринговых компаний Москвы и области. Это самый желанный, самый престижный и самый высокооплачиваемый контракт, о котором только может мечтать любое агентство общественного питания. И я собираюсь его заполучить любой ценой.

– Я хочу, чтобы «Кейтеринг от Майи» стал официальным поставщиком услуг общественного питания в Москве, обслуживающим абсолютно все правительственные меропри-

ятия Государственной Думы, Совета Федерации и Администрации Президента.

Валентин Валентинович задумчиво потирает подбородок, откидываясь назад в кресле и внимательно изучая меня новым взглядом. Вероятно, он наконец понимает, что серьёзно недооценил мои амбиции, и спешно перестраивает свои первоначальные расчёты.

– Это действительно что-то совершенно новенькое, – задумчиво бормочет он после продолжительной многозначительной паузы.

Он поворачивается к жене.

– Люда, кто сейчас возглавляет комитет по планированию официальных мероприятий в Кремле и Государственной Думе?

– Ильин Андрей Евгеньевич, – отвечает она, не пропуская ни единой секунды. – Разве у тебя не сохранились те компрометирующие фотографии? С корпоратива в неподобающем виде.

– Совершенно верно... – Он многозначительно кивает и глубоко задумывается, очевидно решая, стоит ли тратить столь ценный компромат на меня.

– Идёт, – решительно произносит он.

Моя челюсть бессильно отвисает от неожиданности.

– Простите, что?

– Если ты убедительно изобразишь Софию и притворишься, что выходишь замуж за моего младшего сына, я обеспечу

тебе получение Золотого Контракта.

– И десять миллионов наличными, – твёрдо добавляю я.

– Мы по-прежнему требуем эту сумму?

Я самодовольно ухмыляюсь ему.

– Безусловно. Мы по-прежнему требуем эту сумму.

– Сразу требуйте целый миллиард, Майя! – истерично кричит Михаил, отчаянно вскидывая мускулистые руки. – Это всё равно не имеет никакого значения, потому что я категорически не буду этого делать!

Валентин Валентинович смотрит на него взглядом, от которого даже голодный сибирский медведь предпочёл бы ретироваться.

– Сколько тебе нужно, сынок?

– Мне не нужны твои грязные деньги, заработанные на страданиях простых людей.

Валентин Валентинович тяжело и устало вздыхает. Он делает несколько глубоких, напряжённых вдохов и решительно кивает.

– Прекрасно. Я это сделаю.

– Ты что? – одновременно произносят ошеломлённые Людмила Игоревна и Михаил.

– Сделаете что именно? – недоумённо спрашиваю я, но все полностью игнорируют мой вопрос.

– Без всяких шуток? – недоверчиво переспрашивает Михаил, заметно бледнея на глазах. – Совсем без подвоха?

– Клянусь священным гербом рода Богатырёвых, – торже-

ственно произносит Валентин Валентинович, поднимая правую руку. У него три пальца подняты вверх, а средний согнут, словно это какой-то тайный семейный знак старинной дворянской династии.

– Двадцать пять лет полной свободы, – настойчиво требует Михаил.

– Максимум пять лет, – решительно парирует Валентин Валентинович.

– Пятнадцать лет.

– Десять лет. Это моё окончательное предложение.

– Хорошо, договорились, – серьёзно произносит Михаил. – По рукам, батя.

Они крепкожимают друг другу руки. Я замечаю, что рука Михаила заметно дрожит после этого рукопожатия.

– И я дополнительно получаю десять миллионов, – быстро добавляет Михаил.

– Слишком поздно, сынок, – усмехается Валентин Валентинович.

– Чёрт побери, – с досадой бормочет Михаил.

Валентин Валентинович крепко пожимает мне руку, чуть не раздавив её в своей мощной железной хватке.

– Договорились, Майя.

Я смотрю в полном изумлении, как он достаёт из внутреннего кармана пиджака телефон и с уверенной улыбкой открывает банковское приложение. На экране появляется уведомление о переводе на десять миллионов рублей, где в стро-

ке получателя красуется моё полное имя. Это выглядит настолько невероятно.

Он поворачивает телефон ко мне, но тут же убирает его, когда я тянусь взглянуть поближе.

– Ты получишь этот перевод в самом конце праздничного застолья завтра утром, – объясняет он, аккуратно выключая телефон и убирая его обратно в карман пиджака. – Вместе с готовым к немедленному подписанию Золотым Контрактом.

Я дрожу от волнения и предвкушения. Это просто не может быть правдой.

– А теперь у меня множество неотложных дел, – деловито произносит он, отмахиваясь от нас. – Людмила отведёт тебя к нашему свадебному координатору Инессе, чтобы ты примерила подвенечное платье. Торжественная церемония начнётся чуть больше чем через час, так что времени на подготовку у нас совершенно нет.

Его внимание полностью погружается в важные документы, разложенные на столе, пока Людмила Игоревна решительно подходит и властно хватает меня за руку.

– Михаил, немедленно отправляйся к парикмахеру и приведи эту растительность в божеский вид, – строго приказывает она, презрительно махая рукой в сторону его заросшего лица. – Я хочу, чтобы ты выглядел как цивилизованный человек, когда вернёшься сюда.

Я нервно сглатываю, когда она поворачивается ко мне с деловым видом.

– Готова примерить свадебное платье, дорогая?

– Платье? – растерянно переспрашиваю я.

О господи боже мой. Я действительно совершенно не продумала все детали этой авантюры. Настоящее свадебное платье? Семьсот влиятельных гостей? Сам президент Российской Федерации собственной персоной? Что, чёрт возьми, я наделала?

– Готова ты или нет, – решительно заявляет она, крепко сжимая мою руку и настойчиво таща к выходу, – но мы идём. Времени у нас в обрез.

Глава 4

Майя

– Оно определённо маловато, – обеспокоенно морщится Инесса, наш свадебный координатор, когда я вхожу в роскошный номер для невесты в подвенечном платье Софии.

– Ты так думаешь? – саркастично отвечаю я, стараясь дышать ровно.

Платье безжалостно сдавливает мне рёбра. Я буквально задыхаюсь, отчаянно пытаюсь нормально дышать.

Молния застегнулась только на три четверти, и я отчётливо чувствую, как она медленно, но неумолимо сползает вниз под давлением.

– Твоя грудь буквально взрывается из этого платья, – безапелляционно заявляет Людмила Игоревна, брезгливо сморщив нос. – У меня такое ощущение, что я должна кидать в тебя пластиковые бусы, как на Масленице.

Я неуверенно подхожу к большому зеркалу и громко ахаю от увиденного:

– Я просто не могу это надеть. Я непременно попаду в список «Десяти самых вульгарных невест года» какого-нибудь жёлтого издания.

Платье действительно великолепное и, вероятно, потрясающе смотрится на хрупкой фигуре Софии. Она стройная и изящная, и этот смелый глубокий вырез идеально подчёр-

кивает её небольшую грудь и едва заметное аристократическое декольте. Я же гораздо пышнее телом, и мои естественные формы в этом платье выглядят совершенно неуправляемо. Я буквально вываливаюсь из него самым неприличным образом.

Инесса деловито подходит и начинает профессионально осматривать платье со всех сторон. Её пронизательные зелёные глаза за элегантной чёрной оправой очков сосредоточенно изучают моё совершенно неподобающее декольте. Я сразу понимаю, что она превосходный специалист своего дела, и она мне уже искренне нравится. Она красива от природы, но умело приглушает свою привлекательность, чтобы не отвлекать внимание от невесты: её светлые волосы идеально прямые, а строгий серый деловой костюм выглядит безупречно профессионально.

– Нам срочно нужна опытная портниха, – говорит она, резко поворачиваясь к Людмиле Игоревне. – Не думаю, что у нас достаточно времени для серьёзных переделок.

– Я справлюсь собственными силами, – уверенно заявляет Людмила Игоревна, ставя свой бокал шампанского на прикроватный столик и решительно подходя ко мне. – Я была профессиональной портнихой целую жизнь назад, ещё до замужества.

Мы с Инессой в откровенном шоке смотрим на неё.

– У меня не всегда был богатый влиятельный муж и полный штат домашней прислуги, знаете ли, – объясняет она,

начиная энергично дёргать и тянуть платье в разные стороны, заставляя меня неловко двигаться вместе с ним. – Нужно обязательно ослабить здесь, и вот здесь, и здесь, и ещё вот здесь...

Ещё одно назидательное «и здесь», и я её непременно ударю.

– Инесса, немедленно позвони на ресепшн и скажи, чтобы срочно принесли профессиональную швейную машинку.

Инесса стремительно бросается к телефону, словно послушный породистый спаниель.

– Я далеко не волшебница, дорогая, – предупреждает Людмила Игоревна, переходя за мою спину и осторожно ослабляя тугие бретели. – Так что не возлагай на меня слишком больших надежд.

– Это крайне обнадёживает.

Наши глаза встречаются в большом зеркале:

– По крайней мере, я абсолютно честна с тобой.

– Возможно, даже слишком честны, – недовольно бормочу я себе под нос.

Она прекрасно слышит мои слова. Вот незадача.

Я с большим трудом сглатываю, когда её глаза опасно сужаются:

– Слишком честно было бы сказать тебе, что, если ты каким-либо образом это испортишь, мы полностью уничтожим всю твою жизнь. Для тебя это будет настоящей трагедией. Для меня же – просто лёгким развлечением.

Из меня вырывается жалобный писк, когда она резко дёргает бретель, болезненно расплющивая мне рёбра. Я отчаянно пытаюсь понять, шутит ли она на самом деле.

Она определённо не шутит.

– Прощайся навсегда со своим разрешением на торговлю продуктами питания и напитками, – дёргает ещё сильнее, – с лицензией на продажу алкогольных напитков, – очередной болезненный рывок, – с бизнес-разрешением и всеми остальными документами, – ещё один рывок.

У меня определённо будут синяки в мою предполагаемую свадебную ночь.

Холодная пустота заполняет мой желудок. Я прекрасно знала, что это чрезвычайно плохая идея, но теперь уже слишком поздно отступать. Людмила Игоревна буквально распнёт меня на кресте.

– Мой супруг – исключительно влиятельный человек в этой стране, – продолжает она своим ледяным тоном. – С не менее влиятельными друзьями во всех эшелонах власти. Как тебе перспектива долгой, изнурительной налоговой проверки твоего крохотного бизнеса? Звучит заманчиво? Только представь себе тысячи страниц мелкого шрифта каждую божию неделю. Чёрт побери, мы даже можем заставить начальника районного отдела полиции лично являться на каждое твоё жалкое мероприятие и устраивать грандиозную сцену, требуя немедленно поговорить с тобой по серьёзному делу.

Ледяной холод пробирает меня до костей, пока я смотрю

в её абсолютно безжалостные глаза:

– Вы просто злая женщина.

– Я – необходимое зло, милая девочка, – отвечает она, ещё раз болезненно дёрнув платье. – За каждым по-настоящему великим мужчиной всегда стоит абсолютно безжалостная женщина. А Валентин Валентинович Богатырёв станет величайшим политическим деятелем в истории нашего Отечества. Я просто выполняю свою часть работы. Инесса! Где швейная машинка?

Инесса прижимает телефонную трубку к плечу:

– Принесут в ваш номер через десять минут.

– Скажи, что жду через пять минут, не больше.

Я делаю восхитительный глубокий вдох, когда Людмила Игоревна наконец растёгивает молнию, и платье становится заметно свободнее. Ну, настолько свободнее, насколько это вообще возможно на моей пышной фигуре.

Она помогает мне осторожно снять платье и комкает его в своих опытных руках, пока я быстро хватаю шёлковый халат с кровати и торопливо надеваю его.

– Скоро вернусь с готовым результатом, – обещает она, забирая свой недопитый бокал шампанского и уходя с платьем под мышкой.

– Эта семья абсолютно сумасшедшая, – говорю я, поспешно закрывая за ней дверь на замок.

Инесса осторожно подкрадывается ко мне, тревожно поглядывая на дверь:

– Она действительно пугающая женщина. На дегустации свадебного торта она так меня напугала, что я от нервов съела целую чашку сливочной глазури.

– Она просто обыкновенная задира, только в дорогих нарядах.

Инесса облегчённо вздыхает и воодушевлённо загорается, внимательно разглядывая меня:

– Теперь нужно серьёзно заняться твоими волосами и макияжем. У нас была запланирована целая команда профессиональных визажистов, но Людмила Игоревна отослала их всех домой, поскольку они уже видели настоящую Софию. Здесь всё строго по принципу «нужно знать». Секретность самого высшего уровня. Но не волнуйся понапрасну. Я довольно хорошо справляюсь с такими задачами.

Она усаживает меня у большого окна с видом на Москву-реку и раскладывает на кровати огромное количество дорогих на вид косметических средств. Это просто ошеломляет воображение. Моя обычная ежедневная рутина – тушь для ресниц и иногда блеск для губ, если я чувствую себя особенно дерзко.

Мои беспокойные мысли начинают бесконтрольно блуждать, пока Инесса искусно работает над моим лицом. Всё это совершенное безумие. У меня появляются очень серьёзные сомнения в том, смогу ли я вообще справиться с этой задачей.

– Любой ценой, – решительно шепчу я себе под нос. Я

так долго была совершенно одна, без малейшей страховочной сетки, что у меня просто нет иного выбора, кроме как добиться успеха.

Это действительно большая жизненная возможность, и я категорически не собираюсь её упускать.

Я просто обязана это сделать. Обязана заставить всё это работать в мою пользу.

Но я практически ничего не знаю о Софии, кроме того, что она богатый девелопер недвижимости и, судя по размеру этого платья, проводит значительно больше времени в спортзале и на беговой дорожке, чем я.

– Как полная фамилия Софии? – интересуюсь я у Инессы.

Инесса берёт свой планшет и показывает мне напечатанное имя, даже не пытаясь его произнести вслух. София Орман.

– Орман... это звучит красиво.

– В принципе, это совершенно не важно, – говорит она, убирая планшет. – В любом случае, ты станешь Софией Богатырёвой задолго до того, как тебе придётся с кем-то серьёзно разговаривать.

После завершения макияжа Инесса переходит к моим непослушным волосам. Она тихонько напевает песни Полины Гагариной, пока сосредоточенно работает.

Мои мысли невольно уходят к Михаилу, и я с улыбкой гадаю, что он сейчас делает. Я смеюсь, ярко представляя его перед совершенно измотанным парикмахером с целой горой

растрёпанных тёмных волос вокруг.

Он определённо не ладит со своим влиятельным отцом. Между ними очевидно существует много негативной истории и старых обид. Интересно, что именно произошло в их семье?

– Это будет действительно грандиозная свадьба, – с воодушевлением говорит Инесса, аккуратно расчёсывая мои волосы и брызгая в них каким-то профессиональным средством.

Она подробно рассказывает о роскошной церемонии венчания в церкви и последующем торжественном приёме в подмосковной резиденции, и у меня от одних только нервов начинает серьёзно кружиться голова. Сердце грозит выпрыгнуть прямо из груди, пока она восторженно перечисляет имена из престижного списка гостей.

После ещё нескольких искусных манипуляций с волосами я наконец готова к большому торжественному раскрытию. Глубоко вдохнув для храбрости, я медленно подхожу к зеркалу и громко ахаю, увидев в отражении абсолютно потрясающую незнакомку в шёлковом халате.

Я выгляжу действительно красиво. Я никогда в жизни так не выглядела. Никогда прежде.

Я всегда одеваюсь исключительно практично и функционально. Никогда не наряжаюсь подобным образом. Строгий хвост, максимально удобная обувь, деловая одежда без излишеств. Таков мой неизменный дресс-код. Профессионально и абсолютно функционально.

Но это... совершенно неожиданно и восхитительно. Я выгляжу так, словно должна красоваться на обложке модного журнала. Просто не могу отвести взгляд от собственного отражения.

Моё внимание всегда было полностью сосредоточено на элементарном выживании. У меня никогда не было ни времени, ни особого интереса, ни лишних денег, чтобы серьёзно сосредоточиться на собственной внешности. Это всегда было самым последним приоритетом в моей жизни. Как можно оправдать серьёзные траты на дорогую косметику, когда еле-еле удаётся поддерживать холодильник полным и платить аренду?

– Спасибо тебе огромное, Инесса, – искренне благодарю я, всё ещё находясь в лёгком шоке и поворачиваясь к ней. – Ты действительно превзошла все мои ожидания.

– Всё это часть нашего профессионального сервиса, – радостно улыбается она.

Она передаёт мне изящные туфли Софии и уходит в просторную ванную комнату освежиться перед церемонией. Я с опаской сглатываю, внимательно разглядывая эти туфли. Я никогда в жизни не носила ничего подобного. Даже отдалённо похожего. Я искренне люблю удобные балетки. Комфортные, профессиональные, максимально функциональные. Эти туфли – всё что угодно, только не функциональные.

Они откровенно сексуальные и невероятно красивые.

Сплошные тонкие ремешки, практически без поддержки, изогнутые, как устрашающая водная горка в аквапарке. И при всём при этом на два размера меньше моего.

Чёрт побери, они настолько тесные, что кровообращение полностью останавливается у лодыжек и течёт обратно вверх по ногам. Я физически не могу их носить.

Я делаю всего лишь два неуверенных шага и тут же падаю на массивный комод. Хрустальная лампа опасно опрокидывается, но, к великому счастью, не разбивается вдребезги.

– Как тебе туфли? – заинтересованно спрашивает Инесса, любопытно высовывая голову из ванной комнаты. – Потрясающе красивые, не правда ли? Это специальный заказ от Валентина Юдашкина. Стоят больше трёхсот тысяч рублей.

– За такую астрономическую цену я искренне хотела бы, чтобы там было значительно больше собственно туфель. Они немного жмут мне ноги.

– Придётся как-то справляться с этим. Ты просто не можешь идти к алтарю в этом, – она неодобрительно хмурится, презрительно поглядывая на мои практичные рабочие туфли у двери.

– Я серьёзно переживаю, что мои бедные мизинцы просто отвалятся к концу сегодняшнего вечера, – жалуюсь я, осторожно потирая ноющую лодыжку. – Их просто раздавливает.

Инесса небрежно пожимает плечами, словно речь идёт о пустяке.

– Ну что ж, у тебя всё ещё останется восемь пальцев. Не

беда.

Она исчезает в ванной комнате, словно растворяясь за матовой дверью из карельской берёзы, а я остаюсь наедине со своими сомнениями и начинаю тренироваться ходить по просторной комнате. Паркет из натурального дуба поскрипывает под моими неуверенными шагами. Я пару раз неловко спотыкаюсь о край персидского ковра, но постепенно начинаю привыкать к этим головокружительным каблукам.

Проходя мимо старинного зеркала в позолочённой раме, я ловлю своё отражение и невольно улыбаюсь. Не могу дождаться того момента, когда увижу лицо Михаила, когда он заметит меня, идущую к алтарю и выглядящую соблазнительнее самого пекла, которое его непременно ждёт за все грехи.

– Серьёзно, Майя, – шепчу я сама себе, решительно отворачиваясь от зеркала и покачивая головой. – Какое тебе вообще дело до того, что он подумает? С каких это пор его мнение стало для тебя важным?

Людмила Игоревна возвращается из мастерской с тщательно перешитым платьем, и я снова натягиваю на себя эту шёлковую пытку. Стало немного лучше, это правда. Теперь я могу более-менее свободно дышать, но декольте всё ещё остаётся гораздо более откровенным, чем мне хотелось бы. Особенно на торжественной свадебной церемонии. Особенно на моей собственной свадьбе, пусть и фальшивой.

– Оно случайно не разорвётся на мне в самый неподходя-

щий момент? – с тревогой спрашиваю я, внимательно разглядывая себя в старинном зеркале с потемневшей от времени амальгамой.

– Исключено, дорогая, – уверенно заявляет Людмила Игоревна между неторопливыми глотками шампанского. – Я зашила его крепче, чем кошелёк моего супруга на благотворительном ужине в пользу детских домов Сибири.

Она торжественно достаёт из своей изящной сумочки фамильные украшения, и мои глаза невольно расширяются, когда я вижу внушительный размер сверкающих бриллиантов чистейшей воды.

– Это непременно отвлечёт внимание от слишком открытого декольте, – рассудительно говорит она, осторожно надевая на меня тяжёлое ожерелье.

– Оно совершенно потрясающее, – восхищённо шепчу я, чувствуя холодное прикосновение драгоценного металла к коже.

– Это фамильная реликвия рода Богатырёвых, передающаяся уже не одно поколение. Хотя пару лет назад я его слегка переделала, чтобы привести в соответствие с современными тенденциями. Мы же всё-таки не какие-нибудь провинциальные дикари, – с лёгкой усмешкой замечает она.

Я осторожно вставляю изящные серьги и надеваю искусно выполненное фальшивое обручальное кольцо, чьи бриллианты, как это ни парадоксально, оказываются самыми что ни на есть настоящими.

– Ты выглядишь просто прелестно, дорогая, – одобрительно говорит Людмила Игоревна, внимательно разглядывая меня со всех сторон. – Поразительно красиво и элегантно.

– Спасибо большое, – едва слышно шепчу я, застывая в изумлении перед собственным отражением. Неожиданная тяжесть давит на грудь, словно невидимый груз. В горле внезапно встаёт предательский комок.

Эта неожиданная, но поразительно красивая женщина в старинном зеркале пробуждает во мне давным-давно похороненные эмоции и несбыточные желания. Когда я думаю о своём туманном будущем, я всегда, неизменно вижу себя в полном одиночестве. Завтракаю в гордом одиночестве за маленьким столиком, возвращаюсь в пустую, молчаливую квартиру ночь за ночью, словно тень... Мне искренне нравится моя независимая жизнь, но, видя себя такой преображённой... я невольно начинаю задаваться мучительным вопросом..., а может ли всё сложиться совершенно по-другому?

Я с большим трудом сглатываю подступающие слёзы, когда глаза начинают предательски слезиться. Я никогда прежде не думала, что подобная семейная жизнь может быть предназначена именно для меня, но теперь... честно говоря, не знаю. Любящий муж... Дружная семья, к которой хочется возвращаться домой каждый вечер... Маленький ребёнок, сосредоточенно сидящий за обеденным столом и увлечён-

но жующий бисквитные печенья... Неужели это может стать реальным вариантом для меня? Неужели такая размеренная семейная жизнь может когда-нибудь стать моей повседневной реальностью?

Возможно, я действительно могла бы захотеть именно этого.

Но подобные мечты лишь неизбежно приведут к горькому разочарованию, когда они, как это обычно случается, не сбудутся в суровой действительности.

Я решительно отгоняю предательский комок в горле и поворачиваюсь к Инессе и Людмиле Игоревне с вымученной, но яркой улыбкой.

Ребёнок? Заботливый муж? Откуда вообще взялись эти несвойственные мне мысли?

Это действительно первый раз в моей жизни, когда подобная идиллическая картинка появилась в моём практичном сознании, и я уже интуитивно знаю, что она надолго останется со мной, преследуя как наваждение.

Всё дело в этом проклятом платье. Оно наверняка заколдовано какими-то древними чарами.

Сначала София, теперь и я. словно тот несчастный человек, кто его надевает, внезапно и необъяснимо наполняется глубоким недовольством своей прежней жизнью.

– Подружка невесты в панике сбежала на такси, когда мы подробно рассказали ей весь наш дерзкий план, – с весёлым смехом рассказывает Людмила Игоревна. – Честно говоря, я

её совершенно не виню. Она назвала нас абсолютно чокнутыми.

– Совсем нет подружки невесты? – удивляюсь я. Я даже не успела как следует подумать о том, кто именно будет состоять в моей импровизированной свадебной свите.

– У тебя случайно нет близкой подруги, которая могла бы в последний момент подменить беглянку? Желательно сорок шестого размера? Мы готовы заплатить ей сто тысяч рублей за эту небольшую услугу.

Подруга... Действительно близкая подруга...

У меня, конечно же, есть подруги. Довольно много знакомых подруг, если честно. Есть Женечка, школьная приятельница, которая уже много лет живёт в Санкт-Петербурге. Она неизменно каждый год присылает мне красочную новогоднюю открытку с тёплыми пожеланиями. И ещё есть симпатичная девушка с короткими чёрными волосами из кофейни «Шоколадница». Она всегда заботливо рисует милый смайлик на моём бумажном стаканчике. Также я поддерживаю вполне дружеские отношения со своим семейным стоматологом, хотя у меня нет её личного номера телефона, и я серьёзно сомневаюсь, что она вообще захотела бы стать моей фальшивой подружкой невесты. К тому же она, наверное, занята с детьми. Кажется, у неё есть маленькие дети...

В голове неожиданно всплывает образ Ани, и моё напряжённое тело заметно расслабляется от облегчения.

– Одна из моих сотрудниц, Анна Ким, отлично подойдёт

на эту роль. Она очень красивая девушка азиатского происхождения, сейчас работает в служебном шатре. Я схожу за ней прямо сейчас.

Людмила Игоревна авторитетно останавливает меня решительным жестом.

– Ты теперь носишь гордую фамилию Богатырёва, дорогая моя. У нас в семье есть соответствующий персонал для выполнения подобных мелких поручений. Инесса!

Голова Инессы немедленно высовывается из ванной комнаты, словно она только и ждала команды.

– Немедленно иди в служебный шатёр к Майе Сергеевне и приведи сюда Анну, девушку азиатского происхождения.

– Слушаюсь, Людмила Игоревна! – бодро отвечает она, стремительно выбегая из комнаты.

Людмила Игоревна степенно направляется к широкой кровати и удобно располагается на ней. Я с некоторым трудом сглатываю нервный комок и осторожно усаживаюсь в мягкое кресло у туалетного столика с зеркалом.

Просторную комнату мгновенно наполняет тягостное, неловкое молчание.

Мы обе сидим в этой гнетущей тишине, медленно умирая от скуки и взаимного смущения.

– Итак, дорогая... – наконец произносит Людмила Игоревна, явно пытаясь завязать светскую беседу. – Откуда ты родом?

– Из небольшого провинциального городка в Тверской об-

ла...

– Прости, но я просто не могу, – резко перебивает она, решительно поднимая холёную руку. – Мне, честно говоря, совершенно всё равно. – Она берёт пульт дистанционного управления с прикроватного столика из полированного красного дерева, включает плазменный телевизор и с видимым облегчением устраивается поудобнее на мягкой постели.

Прощай, долгожданное сближение с моей новой фальшивой свекровью.

До торжественного начала грандиозного шоу остаётся ровно сорок шесть мучительно долгих минут. Я чувствую себя всё хуже и хуже с каждым неумолимым движением стрелок часов.

Настойчивый стук в массивную дверь неожиданно прерывает популярное игровое шоу, которое с интересом смотрит Людмила Игоревна. Её ноги удобно покоятся на кровати, и она явно не выглядит так, будто намерена отвечать на стук двери кому-либо из гостей, так что я неохотно встаю и внимательно смотрю в маленький глазок.

Моё взволнованное сердце радостно вздымается в груди от нахлынувшего облегчения.

– Это же Артём! Он наконец-то вернулся!

– Артём действительно вернулся? – с неподдельным удивлением переспрашивает Людмила Игоревна, заинтересованно приподнимаясь на локте.

Я торопливо распахиваю тяжёлую дверь, переполненная искренней благодарностью от того, что мне больше не придётся участвовать в этом безумном спектакле, и радостно улыбаюсь, увидев настоящего жениха собственной персоной.

Он действительно так невероятно красив, в отличие от своего угрюмого близнеца. Эти два родных брата внешне выглядят совершенно одинаково, но при этом кардинально, разительно отличаются друг от друга. Словно кто-то купил два внешне одинаковых румяных яблока в дорогом магазине: одно оказалось восхитительно сладким и сочным, а другое, увы, внутри совершенно гнилое и червивое.

София – настоящая счастливица, что выходит замуж именно за этого потрясающего жениха. Будь я на её завидном месте, я бы с радостью вышла замуж хоть на городской свалке, если бы это означало, что я смогу прижиматься к этому идеальному образцу мужской красоты каждую ночь напролёт. Я искренне рада, что она наконец-то одумалась и образумилась, и они благополучно вернулись на свою собственную свадьбу.

– Заходите, пожалуйста! Очень прошу! – Я радушно отхожу в сторону, и Артём степенно входит в просторную комнату. Нескрываемый восторг Людмилы Игоревны мгновенно угасает, словно задутая свеча, когда она внимательнее рассматривает вошедшего, и она с тяжёлым вздохом падает обратно на мягкие подушки.

– А София тоже здесь, в отеле? – с надеждой спрашиваю я, многозначительно выглядывая в совершенно пустой коридор. Она, конечно, будет в настоящей ярости из-за кардинально изменённого платья, но, по крайней мере, мы наконец-то сможем отменить эту абсолютно безумную идею с подменой.

– Близнецы, помнишь? – с лёгкой усмешкой бросает вошедший, внезапно переходя на «ты» с такой непринуждённостью, будто мы старые приятели. Мой мозг на миг зависает, судорожно пытаюсь переварить этот поворот. Чёрт возьми!

Это вовсе не Артём. Это Михаил. Кардинально преображённый Михаил.

Я чувствую настоящую тошноту, болезненно осознав, что на целую минуту искренне посчитала его необыкновенно красивым и привлекательным.

– Никогда не понимала, зачем ты упорно прячешь это поистине безупречное лицо за отвратительно лохматой бородой, – с укоризной говорит Людмила Игоревна, вновь возвращаясь к просмотру своего любимого шоу. – Это настоящее преступление против всего человечества.

– Не люблю ежедневно бриться по утрам, – равнодушно пожимает он широкими плечами.

– Я тоже этого не люблю, но ты же не видишь меня с заплетёнными в косички подмышками, – ехидно парирует она.

Михаил, кажется, просто не может отвести от меня своего

пристального взгляда. Он вообще дышит нормально?

Он формально разговаривает с матерью, но его внимательный взгляд постоянно и непроизвольно скользит в мою сторону. Его голубые глаза откровенно бегают по всему моему телу, внимательно изучая каждую деталь, прежде чем он внезапно спохватывается и с заметным усилием принуждает себя отвести их в сторону.

– На что ты так пристально смотришь? – с растущим раздражением спрашиваю я, чувствуя всё усиливающуюся неловкость от его назойливого внимания. Щёки начинают неприятно гореть от смущения.

– Ни на что особенное, – торопливо говорит он, резко и демонстративно отворачивая голову в противоположную сторону. – Ты просто... хорошо выглядишь.

Хорошо. Какой же всё-таки неисправимый придурок.

– Твой уважаемый отец хочет, чтобы мы все срочно встретились в главном конференц-зале через десять минут, – официально сообщает он матери. – Вся свадебная свита без исключения.

Людмила Игоревна неохотно встаёт с удобной постели и со вздохом допивает последние драгоценные капли превосходного шампанского.

– Сначала любезно проводи свою старую мать в бар, сынок.

– Если только мне не придётся потом нести тебя на руках прямо к алтарю на церемонию, – с лёгкой иронией заме-

чает Михаил, бросая на меня ещё один долгий, изучающий взгляд, прежде чем они наконец покидают комнату.

Внезапно опустевшая комната кажется мне настоящим раем. Я с облегчением сажусь в мягкое кресло, закрываю усталые глаза и начинаю медленно, размеренно дышать, стараясь успокоиться.

Благотворная волна долгожданного спокойствия постепенно накрывает меня, пока я старательно сосредотачиваюсь исключительно на ровном дыхании. Это именно то, что мне сейчас жизненно необходимо. Всего несколько драгоценных минут полного покоя...

Инесса стремительно врывается в комнату, крепко держа испуганную Аню за запястье. Она практически силой тащит её за собой.

– Майя, где ты пропадала? – недоумённо спрашивает Аня, болезненно потирая покрасневшее запястье. – Алексей уронил целый поднос с закусками... Господи, почему ты в настоящем свадебном платье?!?

– Очень долгая и запутанная история, – коротко отвечаю я. Я быстро и максимально подробно ввожу её в курс всех последних драматических событий, и она разражается искренним, заразительным смехом, когда я дохожу до самой невероятной части про то, что я стала заменой сбежавшей невесты. – Мне крайне необходима твоя помощь, Аня. согласишься ли ты стать моей подружкой невесты?

– Я полностью в деле, – без малейших колебаний отвечает

она, решительно кивая головой.

– Ты ещё даже не слышала самую лучшую часть нашего предложения! Ты получишь за это целых сто тысяч рублей наличными.

– Сто тысяч рублей? – в полном изумлении повторяет она, широко раскрыв глаза. – Да за такую фантастическую сумму я бы сама на тебе женилась без всяких сомнений.

Инесса торжественно поднимает роскошное мерцающее синее платье, которое до этого аккуратно висело на спинке резного стула из карельской берёзы.

– Немедленно надевай это, – командным тоном говорит она. – У нас осталось ровно восемь минут до важной встречи.

Аня с любопытством смотрит на меня, уже начиная стягивать свою простую рубашку, даже не утруждаясь переодеваться в ванной комнате.

– Там же будет бесплатный качественный алкоголь, правда?

Возможно, мне всё-таки действительно стоило попробовать позвонить своему семейному стоматологу...

Глава 5

Майя

– Я действительно рада, что ты здесь со мной, – говорю я Ане, крепко сжимая её руку и стараясь не сломать ей пальцы от волнения. Она выглядит просто сияющей в синем платье подружки невесты, которое, естественно, сидит на ней идеально, словно было сшито специально для её изящной фигуры.

– Это будет невероятно весело! – восклицает она, подпрыгивая на ходу, пока мы торопимся по длинному коридору к конференц-залу. Мне приходится сосредотачиваться изо всех сил, чтобы не упасть в этих проклятых туфлях, которые оказались на два размера меньше моих, и даже при такой осторожности я умудряюсь споткнуться пару раз о собственные ноги.

– Весело?! – Мы сворачиваем за угол, и я внезапно остававливаюсь как вкопанная, глядя на массивные закрытые деревянные двери конференц-зала, которые нависают над нами словно врата в преисподнюю. Я делаю глубокий вдох, чувствуя, как желудок превращается в узел от нервного трепета. – Нам придётся притворяться совершенно другими людьми перед семью сотнями самых влиятельных людей в стране! Некоторые из них – настоящие сотрудники Федеральной службы охраны. Они сразу поймут, что я лгу по то-

му как дышу. Я самый ужасный лжец на всём белом свете!

– Это правда, – смеётся Аня, не скрывая веселья. – Помнишь тот случай, когда Алексей уронил все закуски с подноса, а ты придумала совершенно нелепую историю про стаю бездомных собак, которые якобы ворвались на кухню, когда клиент поинтересовался, что же произошло?

Моя челюсть напрягается, пока она сгибается пополам от хохота. – Я не совсем так это помню, но в целом да. Я отвратительно вру. Я никогда не смогу этого сделать!

Аня обхватывает мою руку и решительно тянет к устрашающим дверям. – Расслабься, Майечка. Это всего лишь свадьба. А свадьбы – это всегда весело!

– Не тогда, когда ты сама невеста!

Инесса догоняет нас и проносится мимо с деловым видом. – Готовы? – спрашивает она, хватаясь за массивные дверные ручки из карельской берёзы.

Я собираюсь сказать категоричное «нет», но она уже распахивает обе двери одним драматическим движением. – Представляю вашему вниманию – невеста!

Михаил и его семья сидят вокруг длинного полированного стола из дуба с несколькими новыми лицами и невысоким лысеющим священником. Инесса единственная хлопает в ладоши при моём жалком торжественном входе.

Все одеты в роскошные свадебные наряды, но в строгом конференц-зале это выглядит совсем не празднично, а скорее, как деловое совещание в костюмах.

Валентин Валентинович встаёт во главе стола, его внушительная фигура председателя Государственной Думы доминирует в помещении. – Майя, проходи, пожалуйста.

Аня вприпрыжку входит в зал, энергично махая рукой всем присутствующим. – Привет всем! Я Аня, подруга Майи!

Они просто молча смотрят на неё, пока она садится на свободный стул. Чёрт побери. Единственное свободное место оказывается рядом с Михаилом. Мои ноги уже нестерпимо болят в этих слишком маленьких туфлях, так что я иду и крайне неохотно сажусь рядом с ним, стараясь держать своё тело как можно дальше от его персоны.

– Почему эта женщина одета в платье Софии? – спрашивает девушка лет двадцати с таким же цветом волос, как у Михаила и Артёма. На ней точно такое же синее платье подруги невесты, как у Ани, и она явно их сестра – семейное сходство налицо.

– Майя, позвольте представить – моя дочь Мария, – говорит Валентин Валентинович, медленно садясь обратно в своё кресло. – А вот эти двое – шаферы, Роман и Олег. Младшие двоюродные братья моих детей.

Роман ухмыляется мне так многозначительно, будто точно вводил слово «невеста» в поисковик на порносайте, а Олег, которому от силы тринадцать лет, едва отрывает взгляд от своего смартфона.

– Нет простого способа это сообщить, – хмурится Вален-

тин Валентинович, и его голос звучит особенно властно. – Артём и София... сбежали.

Мария громко ахает от неожиданности.

Я с трудом сглатываю комок в горле, когда он указывает на меня своим массивным перстнем. – Вот её замена.

Мария выглядит совершенно потрясённой. – Ты ведь сейчас говоришь это не серьёзно, папа!

– Ни при каких обстоятельствах свадьба не может быть отменена, – говорит Валентин Валентинович, решительно поднимая руку. – Это вопрос государственной важности.

Людмила Игоревна вмешивается в разговор. – Вы же знаете, как упорно ваш отец работал ради этого торжества. Поверьте мне, никому из нас не захочется жить с ним под одной крышей, если всё пойдёт наперекосяк.

– Спасибо за поддержку, Людочка, – с горькой иронией в голосе произносит Валентин Валентинович. – Но она права. В общении я буду просто ужасен.

Михаил, презрительно фыркнув, скрещивает мощные руки на груди. – То есть, это, типа, шаг вперёд от твоего обычного «отвратительного» поведения? Ты это хочешь сказать?

Суровые глаза Валентина Валентиновича сужаются и буквально пронзают сына насквозь. Михаил отвечает точно таким же непреклонным взглядом, и воздух в конференц-зале мгновенно накаляется на несколько градусов от напряжения.

– Михаил будет заменять Артёма в роли жениха, – вмешивается Людмила Игоревна, пока семейное противостоя-

ние не переросло в открытый конфликт. – А Майя заменит Софию. Никто из гостей не узнает подмены. Церемония будет... театральной.

Священник, сидящий рядом с Людмилой Игоревной, начинает нервно ёрзать на стуле, внимательно слушая. – Вы хотите, чтобы я провёл фальшивую венчальную церемонию в доме Господнем?

– Вы всё равно получите свои пятьсот тысяч рублей, отец Сергей, – отвечает Валентин Валентинович напряжённым, но твёрдым голосом.

– Должен сказать откровенно, – произносит отец Сергей, поднимаясь с места с глубоко оскорблённым видом, – я крайне возмущён подобным предложением. Мне совершенно некомфортно с этим соглашением. Господь наш...

– Миллион рублей, – рявкает Валентин Валентинович, не дав ему договорить.

– Пожалуй, это не так уж и плохо, – быстро говорит отец Сергей, небрежно садясь обратно на своё место. – И если это воля Божия, то кто я такой, чтобы вмешиваться в Его планы?

– Очень благородно с вашей стороны, отец Сергей, – сухо замечает Валентин Валентинович. Он выглядит совсем не впечатлённым подобной сменой позиции.

Роман не отрывает от меня своих откровенно похотливых глаз. Сколько вообще этому парню – девятнадцать лет максимум?

– То есть, она теперь свободна? – спрашивает Роман, воз-

буждённо ёрзая на стуле словно школьник. – Кстати, я Роман Владимирович Богатырёв. Девчонки кричат «ром-ром», когда меня видят.

Аня наклоняет голову набок, с искренним интересом глядя на него через весь стол. – Правда кричат?

– Неа, – честно признаётся он, нисколько не смущаясь своей лжи. – Но было бы невероятно круто, если бы такое происходило!

– Неужели я единственная, кто считает это совершенно ужасной идеей? – говорит Мария почти паническим голосом. – Люди же не поймут, что это не София? Они заметят подмену!

– Они обе женщины, – небрежно отмахивается Людмила Игоревна. – Вполне достаточно сходства. Да и кто вообще внимательно смотрит на невесту во время свадебной церемонии?

– Абсолютно все присутствующие, – говорит Мария, глядя на мать с полным недоумением.

Людмила Игоревна презрительно фыркает, отпивая из своего свежего бокала шампанского. Откуда она их постоянно берёт? – Все гости будут заняты исключительно поиском подходящей второй половинки для себя любимых.

Мы все молча усталились на неё после этого заявления.

Валентин Валентинович тяжело вздыхает и устало качает седой головой. – Спасибо за это чудесное откровение о сущности наших семейных отношений, Людочка. Но это совер-

шенно не важно. Через два месяца никто из присутствующих не вспомнит даже имя невесты, не говоря уж о том, что у неё было слишком глубокое декольте.

Мои щёки пылают от стыда, пока я отчаянно пытаюсь подтянуть вырез платья повыше.

– Пока она ведёт себя подобающе Софии, и все относятся к ней соответственно, – продолжает Валентин Валентинович назидательным тоном, – всё пройдёт без сучка и задоринки.

Гости, возможно, никогда раньше не видели Софию лично, но наверняка слышали о ней что-то существенное. Даже я знаю, что она очень успешный девелопер недвижимости с безупречной репутацией. Наверное, стоит узнать хотя бы несколько базовых фактов на случай, если кто-то что-нибудь невзначай упомянет.

– А какая она вообще? – осторожно спрашиваю я.

Все как один поворачиваются и смотрят на меня.

Людмила Игоревна недоумённо хмурится. – Кто именно?

– София. Ваша невестка.

– А, она, – Людмила Игоревна закатывает глаза. – Понятия не имею. Она турчанка по происхождению.

Никто больше ничего не добавляет к этой исчерпывающей характеристике. Что, чёрт возьми, не так с этими людьми? Я всегда ненавидела тот факт, что у меня нет настоящей семьи, но если семьи именно такие, то мне определённо лучше в одиночестве.

– Серьёзно? – огрызаюсь я, чувствуя, как нарастает раз-

дражение. – Она должна стать полноправной частью вашей семьи буквально через час, а вы абсолютно ничего о ней не знаете?

Эти люди совершенно не понимают, как им невероятно повезло, что такая потрясающая девушка, как София, согласилась присоединиться к их семейному клану. Неудивительно, что она в итоге сбежала от всего этого. Я бы многое отдала за возможность быть связанной родственными узами с кем-то вроде неё. Иметь новую сестру, которой можно позвонить просто так или сходить вместе на обед в ресторан.

– Мы знаем, что она успешный девелопер недвижимости, – говорю я, отчаянно пытаюсь расшевелить их коллективную память. – А что насчёт её прошлого? Где она живёт постоянно? Где училась? Какие у неё хобби?

Ещё больше абсолютно пустых взглядов в ответ.

– Неужели вы серьёзно ничего не знаете?

– Совершенно не важно, какая она на самом деле, – говорит Валентин Валентинович своим глубоким гулким басом. – Мы стремимся к максимально скучной и незаметной невесте. Абсолютно ничем не запоминающейся личности. Улыбайся мило. Благодарю всех присутствующих за то, что они нашли время прийти. Сиди за столом и жуй с закрытым ртом. Вот и вся нехитрая программа.

– А что насчёт меня лично? – спрашивает Михаил с заметным беспокойством. – Все здесь прекрасно знают Артёма и будут ожидать именно его поведения. Я понятия не имею,

кто его друзья-финансисты с работы или приятели по плавательной команде из университета.

– У вас с братом одинаковые мозги, – язвительно замечает Людмила Игоревна, изящно выжывая клубничку из шампанского указательным пальцем. – Как это вообще может быть сложно?

– Ведите себя предельно просто, – наставляет Валентин Валентинович. – Говорите исключительно о свадьбе. И всё. Если всплывает что-то ещё, извиняйтесь и немедленно переходите к другой теме. Никаких продолжительных разговоров ни с кем.

– Это настолько неправильно, – говорит Мария, массируя виски от напряжения.

Я была уверена, что в этой странной семье должен найтись хотя бы один здравомыслящий человек.

– Роман, – продолжает Валентин Валентинович, – ты теперь будешь главным шафером, раз Михаил стал женихом.

Роман одаривает меня и Аню широченной зубастой ухмылкой. – Слышали, прекрасные дамы? Хотите познакомиться поближе с лучшим?

– Только не говори об этом своим родителям, – серьёзно предупреждает Людмила Игоревна. – Владимир не продержится и пяти минут, прежде чем схватит микрофон и разболтает всё до последней подробности.

– И ещё одно важное условие, – рявкает Валентин Валентинович. – Вы двое. – Он указывает поочерёдно на меня и

Михаила. – Сможете ли вы убедительно притвориться нежно любящей, только что поженившейся парочкой?

Во рту мгновенно появляется отвратительный кислый привкус, когда я смотрю на него.

– Конечно, сможем, – говорю я, но голос звучит совсем не убедительно. Господи. Просто... неужели это обязательно должен быть именно он?

Людмила Игоревна устало вздыхает. – Если вы двое отклонитесь ещё дальше друг от друга, то просто опрокинетесь со стульев.

Валентин Валентинович решительно подаётся вперёд. – Покажите нам прямо сейчас.

– Простите, что именно? – переспрашиваю я, с трудом сглотнув.

– Возьмитесь за руки.

Я брезгливо морщусь, с отвращением глядя на руку Михаила. Прикосновение к ней, наверное, будет столь же противно, как засунуть руку в гнилую тыкву или в чужой карман и вытащить использованный носовой платок.

Плотно закрыв глаза, я нехотя тянусь и... на самом деле, это оказывается довольно приятно. Его рука тёплая и сильная. Нет, это совсем не так! Это же Михаил. Фу, как можно!

Я резко отдёргиваю руку и распахиваю глаза. – Извините, но он просто худший из всех возможных! Он нагло припарковал свой мотоцикл прямо в моей рабочей палатке, а потом ещё и назвал меня властной стервой, когда я вежливо попро-

сила его убрать транспорт!

– Не попросила, а приказала, – спокойно поправляет он. – Помнишь, капитан?

Я в отвращении качаю головой. Неужели он никогда этого не забудет?

– И в последний раз повторяю, – говорит он, заметно повышая голос, – твоя так называемая палатка – это обычная парковочная зона!

Отец Сергей поспешно крестится. Даже Олег отрывается от своего смартфона и смотрит на нас с отвисшей от удивления челюстью.

– Это категорически не сработает, – твёрдо заявляю я, решительно складывая руки на столе и с трудом подавляя вскипающий гнев. – Вы абсолютно уверены, что у вас случайно нет тройняшек? Может быть, был третий сын, отданный на усыновление? Или по ошибке унесённый персоналом родильного дома?

– Думаю, я бы точно помнила, как третий ребёнок проходил через мои бёдра, – сухо замечает Людмила Игоревна.

Я в полном отчаянии оглядываю всю комнату, отчаянно пытаюсь придумать абсолютно любое решение, которое не включает в себя мои губы, намертво прижатые к губам Михаила.

– А что насчёт Марии?

– Меня? – удивляется она.

Я энергично киваю, чувствуя нарастающую панику. – Мы

могли бы коротко подстричь ей волосы. Она действительно немного похожа на своих братьев чертами лица.

– Откуда вы вообще взяли эту женщину? – спрашивает Мария в полном ужасе, испуганно глядя на своих родителей. – Из психиатрической больницы?

– Я абсолютно нормальная, – возмущённо отвечаю я ей. – Я занимаюсь кейтерингом.

– Прямо с парковки, – услужливо уточняет Аня.

– Спасибо тебе огромное, Аня, – говорю я сквозь плотно стиснутые зубы.

– Мне пора уходить, – объявляет отец Сергей, поднимаясь с места. – Венчальная церемония начинается ровно через тридцать минут.

– Благодарю вас, отец Сергей, – говорит Валентин Валентинович, прищурившись на него с подозрением. – И помните – ни слова никому. Даже Виталию Владимировичу.

Отец Сергей нервно кивает и поспешно покидает помещение. Инесса нетерпеливо топчется у двери, явно желая поскорее двинуться дальше по плану.

– Мне тоже пора идти, – заявляет Михаил, решительно вставая со своего места.

– Сядь немедленно! – рявкает Валентин Валентинович. – Мы ещё не закончили разговор.

Михаил садится обратно, и напряжение за столом мгновенно возвращается с удвоенной силой. Неужели они всегда ведут себя подобным образом?

– Я хочу собственными глазами увидеть, как вы целуетесь, – совершенно серьёзно заявляет Валентин Валентинович.

Я решительно скрещиваю руки на груди и категорически качаю головой. – Хм. Ага, конечно нет.

– Вам всё равно придётся поцеловаться у алтаря, – не слишком полезно указывает Мария. С каких пор она перешла на их сторону?

Хорошо, попробуем справиться с этим испытанием. Я делаю максимально глубокий вдох, энергично встряхиваю руки, чтобы снять напряжение, и медленно поворачиваюсь к нему лицом. Он достаточно симпатичный мужчина, но я никак не могу остановить гримасу отвращения на своём лице.

– Это всего лишь поцелуй с практически незнакомым человеком, – беззаботно пожимает плечами Аня. – Это предельно легко. Смотри, как это делается.

Она грациозно перегибается через весь стол, решительно хватая Романа за галстук, резко тянет его вперёд к себе и страстно впивается в его губы. Щёки парня становятся ярко-красными, а глаза совершенно стеклянными, когда она наконец отстраняется и отпускает его.

– Ром-ром, – жалобно пищит он, беспомощно оседая в кресло и выглядя крайне неустойчиво.

– Нет, я определённо этого делать не буду, – твёрдо заявляю я. – Мы поцелуемся в щёчки. Дальше я категорически не пойду.

– Прости великодушно, – резко перебивает Валентин Валентинович. – Я почему-то думал, что ты заинтересована в получении серебряного контракта.

– Золотого контракта, – машинально поправляет Людмила Игоревна.

– Неважно, какого именно.

Ох, чёрт побери. Этот контракт действительно кардинально изменит всё в моей жизни. Он мне жизненно необходим. Просто отчаянно нужен.

Любой ценой.

– Хорошо, – говорю я, собираясь с духом. – Я профессионал своего дела.

Я поворачиваюсь к нему и внимательно смотрю на его губы.

Его рот выглядит значительно лучше без той лохматой бороды. Даже довольно симпатично, если честно.

Михаил внезапно встаёт и решительно качает головой. – Сохраним это для широкой публики.

Мой рот удивлённо открывается, пока он уверенной походкой выходит из комнаты.

Эй, погодите! Это я его отвергаю, а не наоборот!

Этот парень действительно просто худший из всех возможных.

– Нам всем давно пора выходить, – нервно говорит Инесса, нетерпеливо переминаясь у двери. – Лимузины терпеливо ждут внизу. Самое время ехать в церковь.

Все как один поворачиваются и смотрят на Валентина Валентиновича. – Лучше бы всё прошло идеально, – грозно рывкает он. – Я рассчитываю на каждого из вас, чтобы этот план удался, и поверьте – я совсем не тот человек, которого вы хотели бы разочаровать.

Он встаёт со своего места, и все остальные немедленно следуют его примеру.

Роман быстро обходит стол, не отрывая восхищённых глаз от Ани. – Аня! Хочешь поехать в одном лимузине со мной?

– Не влюбляйся в меня, малыш, – предупреждающе говорит она. – Ты никогда после этого не оправишься.

Роман с большим трудом сглатывает. – Это очень плохо, что теперь я хочу этого ещё больше?

Они покидают помещение, и за ними следуют Олег и Мария.

Моё сердце бешено колотится, пока я медленно иду к выходу, но совсем не из-за предстоящей свадебной церемонии, а исключительно из-за Михаила. Он отверг меня именно тогда, когда я собиралась его поцеловать.

Я заставлю его жестоко поплатиться за это унижение.

Я поцелую его настолько сильно и страстно, что он не поймёт, что его вообще ударило. Когда отец Сергей торжественно объявит нас притворными мужем и фальшивой женой, я буквально взорву его размеренный мир. Я поцелую его так, что он совершенно обалдеет от неожиданности.

Я ухожу с торжествующей ухмылкой на губах.

Глава 6

Майя

Инесса тараторила план мероприятия, пока я устраивалась на кожаном сиденье лимузина, обтянутом натуральной кожей с декоративной строчкой. Она говорила так быстро, словно пулемётная очередь, что у меня начинала раскалываться голова от попыток уследить за этим потоком слов.

– Итак, венчание в церкви, вы обвенчаны, многие лета, следующий этап – праздничное шампанское на ступенях у церкви. Официанты будут ждать с серебряными подносами работы тульских мастеров и хрустальными бокалами из богемского стекла. Следующий этап – мы сразу же переводим вас с Михаилом к Москве-реке для фотосессии на набережной.

Она листала страницы на своём планшете в кожаном переплёте, а у меня голова шла кругом от этой карусели событий. Всё будет хорошо, не так ли? Я смогу это выдержать. Или всё-таки нет?

– О, превосходно! – воскликнула Инесса, глядя в тонированное окно лимузина. – Вот и Михаил приехал. Михаил Валентинович!

– Нет, не зови его сюда... о, чёрт побери.

Он заметил её призывный жест и направился к нашему автомобилю вместе со своей младшей сестрой Марией. За-

чем Инесса это сделала? Может быть, есть другой лимузин, в который я могла бы пересесть и избежать этой неловкой встречи...

Я оглядывалась по сторонам в поисках спасительного выхода, пока он открывал дверцу и забирался внутрь салона, обитого дорогой кожей.

Его лицо заметно помрачнело, когда он увидел меня внутри автомобиля.

– Я обсуждаю план мероприятий с Майей, – пояснила Инесса, отодвигаясь по кожаной скамье, чтобы освободить место для него и Марии. – Итак, для церкви запомните три важных момента: венчание, шампанское и фото-видео съёмка.

– Разве это не четыре момента? – поинтересовалась Мария с лёгкой иронией в голосе.

Инесса взглянула на свой планшет, наморщив аккуратно выщипанные брови.

– Ты уверена, что хочешь выйти замуж за представителя этого семейства? – спросил меня Михаил с откровенно недоверчивым выражением лица.

– Слишком поздно размышлять об этом, – ответила я, нервно теребя складки свадебного платья из французского шёлка. – Я уже пожала руку твоему отцу. Мы заключили джентльменское соглашение.

– О, поверь мне на слово, он разорвал бы это соглашение в клочья, если бы это принесло ему хотя бы малейшую вы-

году, – проговорил Михаил с горькой усмешкой.

Мария посмотрела на старшего брата с нескрываемой усталостью в глазах. У неё был взгляд совершенно нормального человека, которого судьба заперла в дисфункциональной семье политиков.

– Что ж, если кто-то и нарушит наш контракт, то это определённо буду не я. Как бы заманчиво это ни звучало в данный момент.

Лимузин плавно тронулся с места, и я сделала глубокий вдох, наполняя лёгкие прохладным кондиционированным воздухом. Это действительно происходило. Я и впрямь решилась на этот безумный шаг.

– Превосходно, – продолжила Инесса, возвращаясь к своему детально проработанному плану. – Татьяна будет фотографировать счастливую пару у воды на набережной, а на банкете будут работать ещё несколько фотографов и целая бригада видеооператоров.

– Зачем такое количество фотографий? – вздохнул Михаил с плохо скрываемым раздражением. – Ведь это же имитация. Неужели фотосессия действительно необходима?

– Валентин Валентинович желает использовать их для своей предвыборной кампании, – пояснила Инесса деловито.

Михаил покачал головой с выражением глубокого разочарования. – Конечно же, желает.

– А видеозапись будет использована в качестве фонового материала для его предвыборных роликов, когда он бу-

дет выставлять свою кандидатуру на пост президента Российской Федерации.

Мария и Михаил обменялись многозначительными взглядами. Между ними прошло что-то неуловимое, какой-то молчаливый язык родственных душ, который я не могла понять. У меня не было братьев и сестёр, поэтому я не владела этим особенным языком взаимопонимания.

– Следующий этап – торжественная линия приёма гостей, – продолжала Инесса в своём стремительном темпе, словно пулемётчица, – короткий перерыв, пока уважаемые гости разыскивают свои столы согласно рассадке, следующий этап – первый танец новобрачных под живую музыку.

Я резко выпрямилась на сиденье, охваченная внезапным, пронзительным чувством ужаса. Тело покрылось холодной испариной. Пальцы впились в твёрдое кожаное сиденье так, что костяшки побелели.

– Танец? – прошептала я, балансируя на самом краю настоящей паники.

Грудную клетку словно сдавило железными тисками. Мне показалось, что я задыхаюсь в этом роскошном салоне.

– Да, конечно, первый танец молодожёнов, – проговорила Инесса таким тоном, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном.

Но это был танец перед семьястами важными персонами! Это определённо не было чем-то обыденным!

– Ты в порядке? – поинтересовалась Мария, внимательно

вглядываясь в моё лицо.

Должно быть, я была бледна, как моё свадебное платье, потому что все присутствующие внезапно сосредоточили на мне своё пристальное внимание.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросила Инесса.

– Я не танцую вообще.

– Совершенно никогда?

– Не танцевала с шестилетнего возраста.

Мария фыркнула с плохо скрываемым презрением. – Простите, а где, вы говорили, отыскиали эту особу? На автостоянке возле супермаркета?

– Я работаю в сфере кейтеринга, большое спасибо за понимание, – отрезала я. Мне она нравилась гораздо больше, когда была на моей стороне.

– Ты не танцуешь? – переспросила она, повышая голос до почти истерических ноток. – Совершенно вообще?

Создавалось впечатление, что события этого дня постепенно доводили Марию до белого каления, потому что она вдруг закипела от нескрываемого раздражения. Либо её очень сильно раздражали люди, которые принципиально не танцуют.

– Я на дух не переношу ночные клубы с их оглушительной музыкой.

– Я тоже их терпеть не могу, – согласилась она, – но разве ты не танцуешь иногда, когда остаёшься дома одна? По гостиной или на кухне во время готовки?

– Нет! – воскликнула я, внезапно рассмеявшись от абсурдности ситуации. Но она не смеялась в ответ... Подождите-ка. Неужели она говорит серьезно? – Ты действительно так поступаешь? Люди и впрямь так делают в реальной жизни?!

Мария отвернулась к окну с выражением полного разочарования. – Господи, помилуй.

– Всё будет в полном порядке, – заверила Инесса, возвращаясь к делу с профессиональной невозмутимостью. Она кокетливо захлопала накладными ресницами, глядя на Михаила. – Просто крепко держись за эти восхитительные мускулы и наслаждайся романтической поездкой.

Бровь Михаила слегка приподнялась, пока она чересчур долго проводила рукой по его крепкому бицепсу.

– Танец не станет серьёзной проблемой, – заявила я, стараясь звучать гораздо увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. Я просто буду крепко держаться за него и покачиваться из стороны в сторону на протяжении всей песни. Я непременно справлюсь с этой задачей.

Я проигнорирую семьсот с лишним высокопоставленных персон в банкетном зале, которые будут неотрывно пялиться на меня, снимать меня на свои телефоны, молча осуждать каждое моё движение, и буду смотреть ему прямо в глаза, притворяясь, что меня не тошнит от волнения. Это должно оказаться проще простого.

– О, это напомнило мне, – обратилась Инесса к Марии. –

Вы с Романом, Олегом и Алиной всё ещё планируете исполнить музыкальную композицию для невесты?

Глаза Марии начали наполняться слезами, пока она продолжала смотреть в окно на проплывающие мимо московские пейзажи. – Нет, ни в коем случае. Это была особенная песня, чтобы торжественно приветствовать Софию в нашей семье. Мы не станем петь для совершенно посторонней женщины.

Она повернулась, и её влажные голубые глаза впились в мои с нескрываемой болью.

Я неловко заёрзала на кожаном сиденье.

– Что вы собирались исполнить? – мягко поинтересовался Михаил.

Её подбородок предательски дрожал, и она сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. – Одну песню. Это совершенно не важно теперь, – проговорила она с едва заметной трещинкой в голосе. – Олег должен был аккомпанировать на деревянных ложках, Роман – на гитаре, Алина – на бубне, а я собиралась петь и играть на фортепиано. Мы репетировали эту композицию больше целого месяца.

– Я понятия не имел, что они все умеют играть на музыкальных инструментах, – признался Михаил, выглядя искренне впечатлённым. – Значит, ты до сих пор поёшь профессионально?

– Каждую пятницу выступаю в ресторане, – ответила она. – Я также играю на различных инструментах. Теперь я

владею гитарой лучше тебя. Возможно, ты бы знал об этом, если бы вообще хоть иногда появлялся на семейных мероприятиях.

– Ты прекрасно знаешь, как складываются мои отношения с отцом...

– Да, разумеется, но ведь это исключительно между тобой и папой, – резко перебила его она. – А я-то думала, что между нами всё ещё всё в порядке. Похоже, я глубоко ошибалась, учитывая тот факт, что не видела тебя с Нового года два с половиной года тому назад. И огромное спасибо за то, что даже не удосужился позвонить мне в день рождения. Это было чрезвычайно мило с твоей стороны.

Михаил осел в кресле с тяжёлым, протяжным вздохом.

– Я от всей души ненавижу эту проклятую семью, – говорила она, скрещивая руки на груди и отворачиваясь к окну. – Ты вычеркнул меня из своей жизни одним росчерком пера, а теперь Артём и София выкинули меня из своей свадьбы и попросту сбежали? Я так искренне радовалась за них и с таким нетерпением ждала момента, когда они дадут друг другу священные клятвы перед алтарём. Я помогала маме выбирать живые цветы и свадебный торт. Я ждала этого события всё лето с замиранием сердца. Но они просто взяли и уехали без объяснений. – Слезы наконец прорвались и потекли по её щекам. – Я была так счастлива от мысли, что наконец-то получу родную сестру, а ей совершенно наплевать на мои чувства. Она немедленно меня бросила, как ненуж-

ную вещь. Хуже всего то, что они даже не попросились со мной. Я ровным счётом ничего плохого им не делала. Почему вы все меня так ненавидите? Что такого ужасного я совершила, чтобы заслужить настолько бессердечных братьев?

Михаил опустил на одно колено перед ней и бережно взял её за руку. Она упорно не смотрела на него, уставившись в окно, отчаянно пытаясь скрыть свои слёзы от посторонних глаз.

– Ты совершенно права, – проговорил он спокойным, утешающим голосом. – Я был просто отвратительным братом.

Она наконец повернулась и посмотрела на него. Её глаза были влажными и опухшими от слёз, но рыдания хотя бы прекратились.

– То обстоятельство, что у меня не складываются отношения с отцом, – продолжал он, – ни в коей мере не означает, что у нас с тобой не может быть собственных близких отношений. Ты выросла умной, красивой, удивительно способной молодой девушкой, а я просто идиот, что отгородился от тебя глухой стеной. Я так горжусь тобой, Мария. Ты лучшая из всех нас. Единственная по-настоящему хорошая.

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони, внимательно глядя на него. Инесса молча протянула ей бумажную салфетку и взяла одну для себя. Серьёзно, даже Инесса плачет от этой трогательной сцены?

– Прости меня за то, что не позвонил тебе в день рождения. Это было совершенно не по-братски. Я очень хочу ис-

купить свою вину перед тобой. Как насчёт того, чтобы я пришёл на твоё выступление в эту пятницу, а потом повёл тебя на поздний ужин в хороший ресторан?

Она улыбнулась, вытирая покрасневший нос. – Прекрасно. Мне бы это очень понравилось.

– Только ты не будешь против, если я сяду в первом ряду и буду громко рассказывать всем присутствующим, что мы родственники?

Она засмеялась сквозь слёзы.

– А что касается Артёма и Софии, – продолжил Михаил, – я понимаю, что это тяжело для тебя, но они поступили совершенно правильно, сбежав отсюда. Это место совершенно не подходит для празднования их искренней любви. Это место создано исключительно для празднования колоссального эго нашего дорогого отца. Они заслуживают уединённый пляж и романтический вечер наедине друг с другом.

Мария опустила взгляд на свои колени и молча кивнула.

– Но они совершенно неправильно поступили, не попросившись с тобой как следует. Они были обязаны всё объяснить. Были обязаны получить твоё благословение на этот шаг. Это было просто подло с их стороны, и мне искренне жаль, что так получилось. Ты совершенно этого не заслуживала.

Она шмыгнула носом, пристально глядя на него. – Спасибо тебе, Миша.

– Ты совершенно потрясающая девушка, – сказал он, и

моё сердце болезненно сжалось в груди. – И я искренне рад, что ты сегодня наша подружка невесты. И пусть эта свадьба совершенно фальшивая, мы всё равно прекрасно повеселимся вместе. Это свидание давно назрело.

Она крепко обняла его, и он что-то нежно прошептал ей на ухо. Я тактично отвернулась, желая проявить уважение к их личному моменту, но Инесса не отворачивалась. Она пристально смотрела на Михаила, словно голодная чихуахуа на аппетитную сосиску.

Я не могла не почувствовать лёгкого укола ревности – ведь Михаил сегодня формально мой, – и украдкой оглянулась, чтобы полюбоваться тем, как мило он шепчет что-то Марии, успокаивая её расшатанные нервы.

Возможно, из него получился бы действительно хороший спутник жизни.

Я невольно представила себе, как возвращаюсь домой после долгого, изнурительного рабочего дня, и эти большие, утешающие руки крепко обнимают меня. Одно-единственное сладкое слово от него о том, что всё непременно будет хорошо, и я ясно вижу, как все мои проблемы и тревоги просто тают, словно снег под весенним солнцем.

Он сел обратно на своё место, и Мария окончательно взяла себя в руки. – Я искренне рада, что они получают именно ту свадьбу, которую действительно хотели.

Михаил улыбнулся, глядя непосредственно на меня. – Похоже, наша прекрасная невеста была абсолютно права, когда

предложила это решение.

Мария резко повернулась ко мне, и трогательный момент мгновенно закончился. – Что?! Неужели это была твоя идея?!

Паника вернулась с удвоенной силой, и я резко выпрямилась. – Это была не моя идея, – выпалила я в свою защиту. – Ну, технически говоря, это действительно была моя идея, но совершенно не для неё. Это было предназначено для только для меня.

– Нам действительно необходимо закончить с планом мероприятий, – нервно проговорила Инесса, лихорадочно перебирая свои бумаги.

– Что означает «только для тебя»? – спросила Мария, недоверчиво косясь на меня. – Неужели ты мечтаешь выйти замуж на пляже?

– Это было бы довольно мило, наверное. София действительно подхватила эту идею и побежала с ней. Я даже толком не...

– У тебя есть жених? – резко перебила Мария.

Я прикусила нижнюю губу, втягивая воздух. Это будет выглядеть просто ужасно. Мечтаю о романтической свадьбе, а сама даже не помолвлена. У меня даже нет постоянного парня.

Все присутствующие пристально смотрели на меня, терпеливо ждали ответа.

– На данный момент времени – нет.

Мария не унималась. – Твой молодой человек в скором времени сделает предложение?

– Да, конечно, – выпалила я не подумав. Тут же пожалела об этом. Я просто отвратительный лжец, но сегодня день сплошной лжи, так что пора наконец привыкать к новой реальности.

– Сердечно поздравляю, – проговорила Инесса. – Если тебе потребуется свадебный координатор, я с огромной радостью предложу свои профессиональные услуги. – Она достала элегантную визитку и протянула мне.

– О, – неловко взяла я её. – Но это довольно... сложная ситуация. – Мой паникующий мозг лихорадочно искал правдоподобное оправдание. – Он постоянно находится в отъезде по работе... в сибирской тайге. Он лесоруб! Из Красноярского края. Если быть более точной.

Я уверенно кивнула, хотя внутри просто умирала от стыда.

– Горячий лесоруб из Красноярского края, – скептически усмехнулся Михаил. – Неужели он добирается на работу верхом на медведе?

– Нет, на... лошади.

Чёрт возьми! Почему я не сказала "на автомобиле"?

– Статный сибирский лесоруб, который ездит на работу верхом на лошади, – захихикал Михаил. – Звучит чрезвычайно правдоподобно.

– Я не говорила, что он статный.

– А он таков?

Я пожала плечами. – Ну, разумеется...

Если уж выдумывать себе парней, пусть они будут привлекательными.

– Давайте вернёмся к нашему плану, – более настойчиво проговорила Инесса. – Первый танец молодожёнов. Следующий этап – все гости рассаживаются за столы для торжественного банкета. Следующий этап – Валентин Валентинович торжественно объявит о своём выдвижении на пост президента. Следующий...

– Что это такое? – ахнула я, когда мы свернули за угол и увидели настоящую толпу людей на улице.

Водитель лимузина вынужден был остановиться – плотная масса человеческих тел полностью блокировала проезжую часть. Люди было повсюду. Праздные зеваки, журналисты с камерами, протестующие с пугающим количеством грамматических ошибок на самодельных плакатах, сотрудники полиции, агенты Федеральной службы охраны, гости свадьбы в своих лучших костюмах и вечерних платьях – все они напрочь перегородили дорогу к церкви.

Они плотным кольцом обступили наш лимузин, прижимая лица и объективы камер к тонированным окнам, отчаянно пытаясь разглядеть, кто находится внутри роскошного автомобиля.

Я инстинктивно отшатнулась к противоположному краю сиденья, чувствуя, как в груди нарастает удушающее напря-

жение. Адреналин бурно закипел в венах, когда какой-то мужчина настойчиво застучал в окно и прижал к стеклу объектив профессиональной камеры.

Во что, чёрт побери, я вляпалась?

Это определённо были не просто друзья и родственники жениха и невесты.

Это стало болезненно ясно, когда я заметила хорошо знакомый логотип на видеокамере.

– Неужели это съёмочная группа канала НТВ?!

Глава 7

Майя

– Пора начинать, – произносит Инесса, получив сигнал от отца Сергия. – Есть какие-нибудь вопросы?

– Когда же откроется банкетный зал? – интересуется Аня, поправляя складки своего платья.

– Где можно взять совершенно новую семью? – бормочет себе под нос Мария, сжимая букет побелевшими от напряжения пальцами.

Мы выстроились в очередь, ожидая входа в переполненную до отказа церковь. Водитель лимузина уже развернулся и помчался в переулок, тщательно охраняемый сотрудниками Федеральной службы охраны. Они беспрепятственно пропустили нас, задержав при этом всех остальных гостей. Мы проскользнули в церковь через личный вход священнослужителя и разошлись по своим местам, словно актёры перед началом главного спектакля своей жизни.

Полагаю, что сейчас Михаил стоит у алтаря, искусно изображая Артёма перед несколькими сотнями приглашённых гостей. Интересно, нервничает ли он так же сильно, как я сейчас? В моём животе целая стая бабочек ведёт отчаянную борьбу за превосходство. Я так невыносимо нервничаю, что готова вот-вот потерять сознание. Я переполнена самыми противоречивыми эмоциями. Ошеломлена происходя-

щим, напугана до глубины души, охвачена паникой и ужасом. Эмоции проносятся сквозь меня, словно разрушительный ураган пятой категории, не оставляя после себя ничего, кроме хаоса.

Я полна горьких сожалений, беспощадного самоуничтожения, глубокого отчаяния и парализующего страха. Сердце колотится в груди, как бешеный молот по наковальне. Ладони предательски потеют, несмотря на прохладу в церкви.

Если бы эти проклятые туфли не были на два размера меньше положенного, я бы, наверное, сорвалась с места, сбежала отсюда и не останавливалась бы, пока не добралась до самых отдалённых уголков Тверской области.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании, делаю пару длинных, медленных вдохов, пытаюсь успокоить взбунтовавшиеся нервы. Любой ценой – вот мой девиз на сегодняшний день.

Когда я чувствую себя совершенно подавленной происходящим, я должна напоминать себе, ради чего я всё это затеяла. Ради моего будущего, моей безопасности, моего элементарного выживания в этом безжалостном мире. У меня нет ни одного человека, на которого я могла бы положиться в трудную минуту. Нет надёжных рук, которые поймут меня, если я вдруг упаду. Я просто не имею права провалиться. Я не провалюсь – это исключено.

Орган начинает играть торжественную мелодию, которая эхом отдаётся в огромном зале церкви, словно вступи-

тельная композиция для мрачного жнеца, идущего за своей жертвой.

– Где, чёрт возьми, девочка с лепестками роз? – в панике восклицает Инесса, беспокойно оглядываясь по сторонам. – Кто-нибудь видел Алину и Тамару Сергеевну? О, слава всевышнему! Алина! Пожалуйста, поторопись, дорогая!

Миловидная светловолосая девочка лет семи в нежно-голубом платье, с изящной корзинкой лепестков роз в руках, подбегает к нам вместе со своей встревоженной матерью.

Она внимательно смотрит на меня, и её детское личико искажается от неподдельного недоумения.

– А кто ты такая? – спрашивает она с присущей детям прямоотой.

Мой рот мгновенно пересыхает, пока она пристально разглядывает меня большими голубыми глазами, полными любопытства.

– Я... э-э... София, – заикаясь, отвечаю я.

– Но я же видела Софию сегодня утром, – настаивает девочка. – Ты совсем не она.

– Да, на самом деле, – подключается к разговору её мать, бросая на меня странный, изучающий взгляд. – Ты выглядишь совсем по-другому. Твой нос кажется намного больше, чем обычно.

– Возможно, это всё дело в макияже, – произношу я с нервным, натянутым смехом, пытаюсь сохранить видимость спокойствия.

Мать хмуро оглядывает меня с ног до головы.

– Пстой, а ты что, платье поменяла? Не припоминаю, чтобы у того наряда было столько откровенного декольте.

– Это единственная и неповторимая София, – поспешно вмешивается Инесса, спасая критическую ситуацию. – Любовь всей жизни нашего дорогого Артёма. Невеста сегодняшнего дня. Прошу всех занять свои места, время поджидает.

Бедная мать выглядит такой растерянной и сбитой с толку. Инесса осторожно берёт её под руку и мягко уводит в сторону.

– Спасибо большое, Тамара Игоревна. Пожалуйста, займите своё место в храме, церемония вот-вот начнётся.

Женщина оглядывается на меня через плечо, всё ещё пытаюсь понять, что же именно здесь происходит и почему всё кажется ей таким странным.

Инесса проходит вдоль нашей выстроившейся линии для последней, решающей проверки перед началом торжественной церемонии. Сначала Алина, потом Мария, затем Аня, и, наконец, я.

Инесса останавливается передо мной и заботливо поправляет несколько белоснежных роз в моём роскошном букете.

– Всё будет просто превосходно! – говорит она с воодушевлением, но её наморщенный от беспокойства лоб и чересчур натянутая улыбка красноречиво свидетельствуют об обратном.

Аня выглядит совершенно расслабленной и беззаботной, словно она проделывала всё это уже миллион раз в своей жизни. За это я её искренне ненавижу.

– А можно мне танцевать, идя по проходу? – с надеждой спрашивает она.

Инесса выглядит так, будто у неё вот-вот начнётся приступ острейшей мигрени.

– Пожалуйста, очень прошу тебя, не надо этого делать.

Орган издаёт особенно высокую, торжественную ноту, и Инесса стремительно бросается вперёд.

– Это наш сигнал к началу! Пойдём, милая Алина! Помни главное правило – разбрасывай лепестки роз максимально равномерно.

Алина смотрит на меня с силой и решимостью опытного терминатора.

– Я буду внимательно следить за тобой, – предупреждает она серьёзным тоном, прежде чем мгновенно переключиться на очаровательную улыбку девочки с лепестками роз, грациозно повернуться за угол и исчезнуть в глубине церкви.

Если я не могу обмануть даже семилетнего ребёнка, то как же я справлюсь с несколькими сотнями взрослых людей? Я никогда в жизни не справлюсь с этой невозможной задачей.

Всё это действительно происходит наяву, а не во сне. Это мой самый последний шанс отступить назад и избежать катастрофы. Я лихорадочно оглядываюсь в отчаянных поисках запасного выхода.

Сердце кажется готовым вот-вот вырваться из груди и упасть к моим ногам.

Кто-нибудь, умоляю, откройте хотя бы одно из этих великолепных витражных окон! Здесь катастрофически не хватает кислорода для нормального дыхания. Я задыхаюсь, отчаянно пытаюсь вдохнуть полной грудью.

Мне срочно необходимо присесть, иначе я рискую потерять сознание прямо здесь.

Я лихорадочно оглядываюсь в поисках хоть какого-нибудь стула, пока окончательно не лишилась чувств от нервного перенапряжения.

Инесса осторожно кладёт руку на плечо Марии и придерживает её, одновременно выглядывая в направлении церкви.

– Твоя очередь, дорогая! Вперёд!

По тому, как Мария сжимает свой букет побелевшими от напряжения костяшками пальцев, совершенно ясно, что этот процесс доставляет ей не больше удовольствия, чем мне. Она выдавливает из себя деланную улыбку, грациозно поворачивает за угол и исчезает из поля зрения.

Это ощущение точь-в-точь как находиться в крошечном самолёте на головокружительной высоте с парашютом за спиной и наблюдать, как другие пассажиры один за другим исчезают за дверью. Через считанные секунды наступит моя очередь, и я совершенно не уверена, что смогу решиться на этот отчаянный прыжок в неизвестность.

Мы с Аней делаем несколько осторожных шагов вперёд,

пока Инесса внимательно выглядывает за угол, оценивая обстановку.

Я настолько сосредоточена на изучении затылка Ани, что совершенно не замечаю, как ко мне незаметно подкрадывается совершенно незнакомый мужчина средних лет. Я чуть не вскрикиваю от неожиданности, когда он вдруг подхватывает меня под руку.

Я ахаю, с удивлением глядя на него. Ему около пятидесяти пяти лет, с благородной сединой в тёмных волосах и характерным загаром на лице в форме солнцезащитных очков. На нём довольно дешёвый чёрный костюм с предательским пятном горчицы на левом лацкане.

– Кто вы, чёрт возьми, такой? – шепчу я.

Он осторожно откашливается, внимательно глядя на меня.

– Водитель лимузина. А ты кто будешь?

– Из обслуживающего персонала, – быстро отвечаю я.

Он понимающе кивает, и мы оба смотрим прямо перед собой, словно два ошеломлённых солдата, готовящихся к главной битве всей своей жизни.

– Аня! Твоя очередь! Вперёд! – энергично машет рукой Инесса.

Аня, к счастью, не танцует, но выплывает из-за угла, грациозно подпрыгивая, словно беззаботный ребёнок в тёплый летний день. Удивлённый смех гостей причудливо смешивается с торжественными звуками органа.

– Почему, ради всего святого, она подпрыгивает? – с недоумением хмурится Инесса, внимательно наблюдая за Аней. Она досадливо качает головой и поворачивается ко мне. – Неважно уже. Ты обязательно справишься с этой задачей. Иди прямо к Михаилу Валентиновичу. Не забывай постоянно улыбаться. Ты счастлива до беспамятства. В полном восторге от происходящего. Это же твой долгожданный свадебный день!

– Я просто в неопишемом экстазе, – шиплю я сквозь стиснутые зубы, с безумной улыбкой королевы выпускного бала.

Орган резко меняет мелодию на более торжественную, и звук семисот с лишним человек, одновременно встающих со своих мест, посылает леденящую кровь дрожь по всему моему позвоночнику.

– Я обязательно смогу, – отчаянно шепчу я себе. – Я непременно смогу это сделать.

Я крепко сжимаю руку моего случайного фальшивого отца, и мы торжественно начинаем наше шествие к алтарю.

– Господи помилуй, – тихо выдыхаю я, когда поворачиваю за угол и вижу поистине ужасающее зрелище перед собой. Я почти инстинктивно отступаю назад, но каким-то чудесным образом мои непослушные ноги продолжают двигаться вперёд, а пальцы судорожно впиваются в изящную ручку свадебного букета.

Церковь поражает своими грандиозными размерами. Высокий куполообразный потолок, украшенный великолепны-

ми фресками, возвышается над бесконечными рядами скамеек, заполненных несколькими сотнями людей, которые пристально смотрят на меня. С обеих сторон располагаются балконы, буквально набитые людьми, которые смотрят вниз, активно снимают меня на мобильные телефоны и фотографируют на профессиональные камеры.

Все до единого глаза устремлены на меня, пока я делаю один дрожащий шаг за другим, отчаянно стараясь не упасть в этих безумно тесных и неудобных туфлях.

Я вдруг становлюсь чрезвычайно благодарна этому мужчине с загаром от солнцезащитных очков рядом со мной. Он надёжно поддерживает меня и буквально заставляет идти дальше. До меня неожиданно доходит поразительная мысль, что мой случайный фальшивый отец сделал для меня за последние десять секунд значительно больше, чем мой настоящий отец за последние десять лет моей жизни.

Каждая клетка моего организма отчаянно кричит, умоляя меня немедленно сбежать, повернуться и унести прочь от этого места, но я упорно держу натянутую улыбку на лице и сосредотачиваюсь исключительно на каждом предстоящем шаге.

Я бросаю осторожный взгляд в толпу собравшихся гостей каждые несколько шагов, и искренние, тёплые улыбки встречают меня повсюду. Наклонённые набок головы, порозовевшие от волнения щёки. Некоторые особо чувствительные гости даже тихо плачут от умиления.

Одна элегантная женщина в дорогой шляпке положила голову на плечо своего супруга, нежно улыбаясь и деликатно вытирая влажные глаза изящно скомканной кружевной салфеткой.

Именно такими людьми я всегда мечтала быть. Они искренне любят саму любовь в её чистейшем проявлении. Они ничего не знают ни обо мне, ни о том, что этот мужчина рядом со мной – который, кстати говоря, отчётливо пахнет жареной картошкой – является для меня совершенно посторонним человеком. Но они всё равно проливают слёзы умиления. Происходящее настолько глубоко трогает их чувствительные сердца.

Они, должно быть, действительно безгранично любят любовь во всех её проявлениях, раз готовы проливать искренние слёзы над романтической историей совершенно незнакомых им людей.

Я испытываю острое чувство вины за то, что так беспардонно обманываю этих добрых, искренних людей.

Я совершенно не из таких людей, как они. Я не люблю любовь в её классическом понимании. Я более скептична по своей натуре, неохотно принимаю романтические порывы, несколько ожесточена жизненным опытом. Я никогда не плачу на чужих свадьбах или во время сентиментальных мелодрам.

Я не похожа на того благородного мужчину в элегантном голубом галстуке, который из всех сил пытается сдержать

подступающие слёзы, или на ту чувствительную женщину с огромной шляпой, которая находится на самой грани рыданий от переполняющих её эмоций. В подобных ситуациях я скорее раздам окружающим бумажные салфетки, но никогда не воспользуюсь ими сама.

Резкий толчок в спину грубо возвращает меня к реальности, и я получаю новую волну тошноты, когда мой случайный фальшивый отец решительно тянет меня к алтарю, где терпеливо ждёт мой не менее фальшивый жених.

Мои глаза невольно устремляются к грандиозному витражному окну над головой отца Сергия, которое ярко освещается послеполуденным солнцем, создавая поистине божественную атмосферу.

Я категорически не хочу смотреть на него.

На моего жениха на один вечер. На моего заклятого врага. На Михаила.

Я не желаю видеть его в безупречно сидящем смокинге, улыбающегося мне с этой характерной ехидной ухмылкой в глазах. Я бы предпочла разглядывать изображения ужасных мучений на древних витражах, большое спасибо.

Наконец, торжественные звуки органа постепенно затихают, мы благополучно доходим до ступеней, ведущих непосредственно к алтарю, и я оказываюсь вынужденной взглянуть на своего жениха в этот памятный вечер.

Ненавижу признавать подобное, но он действительно выглядит невероятно красиво и мужественно.

Он грациозно спускается по ступеням, и мои глаза невольно скользят по его фигуре, отмечая широкие мускулистые плечи и атлетическое телосложение. Его руки чуть больше и сильнее, чем у Артёма, так что бицепсы слегка напрягаются под тесным пиджаком безупречного смокинга. Я чувствую, как предательски учащается пульс, когда он галантно протягивает руку, предлагая мне опереться на неё.

Возможно, я была к нему чересчур строга и несправедлива. Он проявил себя очень милым и участливым человеком в лимузине, когда разговаривал с Марией. Мне хотелось бы видеть эту привлекательную сторону его характера значительно чаще.

В голове неожиданно всплывает яркий образ: он лежит под сломанным мотоциклом, выглядя чертовски соблазнительно в испачканной маслом майке и рваных джинсах. Я сижу на деревянном табурете, замороженно наблюдая, как ритмично напрягаются и перекачиваются его мускулы, пока он ловко орудует гаечным ключом загрязнёнными работой руками, зная при этом, что эти же сильные, умелые руки будут ласкать моё тело позже этим вечером.

Я поспешно вытряхиваю эту опасную мысль из головы так же быстро, как она туда пришла, и обхватываю его предложенную руку с натянутой, но вполне убедительной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.